

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 2 • Том 16 • 2023 •
АПРЕЛЬ – ИЮНЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

<http://www.vestnik-translation.ru/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-28752 от 04.07.2007

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1946

Series 22
LOMONOSOV TRANSLATION STUDIES JOURNAL

No. 2 • Volum 16 • 2023 •
APRIL – JUNE

Publishing house of Moscow State University

Published once every three months

<http://www.vestnik-translation.ru/>

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor) of the Russian Federation

Certificate of Registration: PI No. FS 77-28752 of 04.07.2007

Founder: Lomonosov Moscow State University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, академик Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Балью Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьецци Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Исолахти Нина Борисовна, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкурлов Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан Кёён**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Хараидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Гре-

ция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD:

Nikolai K. Garbovsky, Editor-in-Chief, Academician at the Russian Academy of Education, Professor, Dr Sc (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Olga I. Kostikova, Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Ludmila A. Mozgovaya, Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Irina S. Alexeeva, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Henri Awaiss**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon);

Christian Balliu, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Yevgeniy V. Belsky**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Eleferios K. Charatsidis, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Martin Forstner**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Vera Ye. Gorshkova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Irkutsk State University (Russia);

Nina B. Isolahhti, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Georgiy T. Khukhuni**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Yulia N. Koltsova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Hannelore Lee-Jahnke, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Larisa A. Manerko**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Roman A. Matasov, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mikhail N. Marusenko**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Nadezhda N. Mironova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Edward N. Mishkurov, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea);

Peter Holzer, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Enrique F. Quero Gervilla**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain);

Peter A. Schmitt, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany); **Yevgeniy G. Torsukov**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Maurizio Viezzi, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Maria N. Yesakova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

Общая теория перевода

- Гусейнова И.А., Горожанов А.И.* Новые подходы к переводческой теории и практике (из опыта создания учебного пособия «Основы практики письменного перевода с немецкого языка на русский язык») 7
- Ли Цзюань.* Анализ переводческих решений при передаче речи Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая на русский язык с использованием переводоориентированного метода. 25
- Чэнь Чжу.* Русско-китайский неточный перевод с точки зрения репрезентативности перевода на микроуровне 43

Методология перевода

- Давлетшина Д.К., Коровкина М.Е.* К проблеме интерпретации в переводе текстов специальной коммуникации 58

Перевод и локализация

- Левкович Я.А., Филатова Е.А.* Лексико-терминологические трудности перевода аудиовизуальных текстов документальных фильмов (на материале дублированного перевода документального фильма медицинской тематики «Жизнь до рождения: В утробе матери. Близнецы») 78

Лингвистические аспекты перевода

- Цуй Чжэюань.* Скрытый семантический контекст при употреблении китайских выражений 95

Хроника научной жизни

- Бобохонова М.Р.* Круглый стол «Несказанное» как предмет художественного перевода» 111

CONTENTS

General Translation Theory

Guseinova I.A., Gorozhanov A.I. New approaches to translation theory and practice (from the experience of creating an exercise book “Foundations of written translation practice from German into Russian language”) 7

Li Juan. Analysis of Translate Xi Jinping’s Speech at the 20th National Congress of the Communist Party of China into Russian (by using translation-oriented method). 25

Chen Zhu. Russian-Chinese inaccurate translation from the point of view of the representativeness of translation at the micro level. 43

Translation Methodology

Davletshina D.K., Korovkina M.Ye. Interpretation revisited: its impact on lsp-translation. 58

Translation & Localization

Levkovich I.A., Filatova E.A. Lexical and terminological problems of medical documentary audiovisual text translation: a case study of medical documentary “In the Womb: Identical Twins” dubbing. 78

Linguistic Aspects of Translation

Cui Zheyua. Hidden semantic context when using chinese expressions 95

Chronicles of Scientific Life

Bobokhonova M.R. Round table “‘Unsayable’ as a problem in literary translation” 111

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'33

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-7-24

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ (ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ «ОСНОВЫ ПРАКТИКИ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК»)

Иннара Алиевна Гусейнова

Алексей Иванович Горожанов

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия

Для контактов: guseynova@linguanet.ru; a_gorozhanov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются концептуальные основы современного учебного пособия, предназначенного для подготовки письменных переводчиков, работающих с наиболее востребованными немецкоязычными жанрами, к которым следует отнести публицистический дискурс, представленный обширными корпусами текстов. В статье описываются ключевые лингвистические проблемы и факторы, оказывающие влияние на качество письменного перевода с иностранного на русский язык. Наиболее важными факторами представляются логический, институциональный, экономический и социальный. Их совокупность во многом определяет жанровую структуру и принадлежность текста к определённому типу дискурса. В ходе анализа языковых средств и внешних факторов авторы статьи приходят к выводу о необходимости разработки серии учебных пособий по теории и практике перевода, направленных на решение конкретных переводческих проблем и формирование конкретных знаний, умений и навыков работы с инокультурным контентом, содержащим идеологический и ценностный компоненты, конфликтогенные факторы и подверженным влиянию амбисемии. Для комплексного решения задач, связанных с подготовкой письменных переводчиков, пред-

лагается применять системный подход, интегрирующий логический, институциональный, экономический и социальный факторы.

Ключевые слова: письменный перевод, амбисемия, виды перевода, межкультурная коммуникация, межъязыковая коммуникация, образовательная парадигма.

Для цитирования: Гусейнова И.А., Горозханов А.И. Новые подходы к переводческой теории и практике (из опыта создания учебного пособия «Основы практики письменного перевода с немецкого языка на русский язык») // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 2. С. 7–24. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-7-24

Статья поступила в редакцию 19.07.2023;
одобрена после рецензирования 03.10.2023;
принята к публикации 10.10.2023.

**NEW APPROACHES TO TRANSLATION
THEORY AND PRACTICE
(FROM THE EXPERIENCE OF CREATING AN EXERCISE BOOK
“FOUNDATIONS OF WRITTEN TRANSLATION PRACTICE
FROM GERMAN INTO RUSSIAN LANGUAGE”)**

**Innara A. Guseinova
Alexey I. Gorozhanov**

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

For contacts: guseynova@linguanet.ru; a_gorozhanov@mail.ru

Abstract. The paper discusses the conceptual foundations of a modern exercise book designed to train translators working with the most popular German-language genres, which include journalistic discourse, which is represented by extensive corpora of texts. The authors describe the key linguistic problems and factors influencing the quality of written translation from a foreign language into Russian. The most important factors seem to be logical, institutional, economic and social ones. Their totality largely determines the genre structure and belonging of the text to a certain type of discourse. In the course of the analysis of linguistic means and external factors, the authors come to the conclusion that it is necessary to develop a series of exercise books on the theory and practice of translation aimed at solving specific translation problems

© Guseinova I.A., Gorozhanov A.I., 2023

and developing specific knowledge, skills and abilities to work with foreign cultural content containing ideological and value components, conflictogenic factors, and subject to the influence of ambisemia. To comprehensively solve the problems associated with the preparation of translators, it is proposed to apply a systematic approach that integrates logical, institutional, economic and social factors.

Keywords: written translation, ambisemia, types of translation, intercultural communication, interlingual communication, educational paradigm

For citation: Guseinova I.A., Gorozhanov A.I. (2023) New approaches to translation theory and practice (from the experience of creating an exercise book “Foundations of written translation practice from German into Russian language”). Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 7–24. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-7-24

The article was received on месяц July 19, 2023;
approved after reviewing received on October 03, 2023;
accepted for publication on October 10, 2023.

Введение

В последнее время мы отмечаем появление новых изданий, в частности, учебных пособий, внедряемых в образовательный процесс для подготовки и обучения специалистов в области межкультурной и межъязыковой коммуникации. Практический опыт свидетельствует о том, что некоторое время назад такие учебные пособия носили единичный характер, что было обусловлено рядом внешних обстоятельств: во-первых, влиянием глобализационных процессов, в ходе которых английский язык повсеместно стал не только языком международного общения, но и приобрёл статус *lingua franca*, и, во-вторых, широкими дискуссиями в медийном пространстве, а также в международном экспертном переводческом сообществе о статусе современного переводчика. Напомним, что в результате открытой международной дискуссии были выработаны два диаметрально противоположных подхода: а) переводчик как кадр практически низшей квалификации, приравниваемый в лучшем случае к менеджеру; и б) переводчик как дискурсивная личность, обладающая широким кругозором, управленческими компетенциями, профессионально владеющая двумя и более иностранными языками и способная к решению лингвистических и экстралингвистических задач. Эти взгляды до сих пор представ-

лены в переводческом сообществе и остаются актуальными для специалистов в области межкультурной и межъязыковой коммуникации. Динамическое появление монографий и научных статей по переводческой проблематике, а также учебно-методической литературы по теории и практике, истории и критике перевода демонстрируют понимание необходимости подготовки профессиональных переводческих кадров нового поколения, востребованных в реальном секторе экономики (Нарбут, Шерстнева, 2023; Митягина и др., 2022; Гарбовский, Костикова, 2020; Прунч, 2015).

Материал. Для разработки заявленного учебного пособия по письменному переводу для языковой пары немецкий — русский языки нами был отобран корпус аутентичных немецкоязычных текстов разных жанров, иллюстрирующих особенности разных типов текстов, которые необходимо знать будущему специалисту в области межкультурной и межъязыковой коммуникации. Корпус текстов охватывает традиционную печатную продукцию и электронные издания. Все разделы учебного пособия выстроены по одному образцу и содержат 1) серию подготовительных упражнений, направленных на формирование и дальнейшее развитие навыков письменной межъязыковой коммуникации; 2) аутентичный текст, предлагаемый для перевода с немецкого языка на русский язык; 3) рекомендации к использованию определённых теорий и переводческих стратегий; 4) дискуссию / обсуждение переводческих решений при наличии переводческих трудностей. Несмотря на то что учебное пособие носит «рутинный» характер, разнообразие текстов и их жанровая принадлежность способствуют поддержанию интереса обучающихся к выполнению поставленных лингвистических задач, а также развивают переводческие навыки и умения, необходимые для письменного переводчика разножанровых текстов, осложнённых в ряде случаев семиотическими компонентами — средствами визуализации, присущими гипертекстовому пространству, которое характеризуется полимодальностью и поликодовостью (Ирисханова и др., 2022). Таким образом, корпус текстов был сформирован по критериям аутентичности, жанровой принадлежности и наличию лингвистических особенностей, создающих трудности при письменном переводе. Безусловно, тематика текстов и их лексико-грамматическая и стилистическая сложность соответствует уровню сформированности профессиональной лингвистической компетенции обучающихся языкового вуза.

Дискуссия. Разрабатываемое нами учебное пособие носит пилотный характер. В настоящий момент осуществляется апробация

готовых разделов в группах обучающихся. При этом, на наш взгляд, стали возникать вопросы, которые на протяжении нескольких десятилетий носили фоновый характер. Перечислим несколько «свежих» теоретико-практических проблем. **Первая проблема** связана с переводом идеологического компонента. Многие современные исследователи утверждают, что переведенные тексты при погружении в «темпоральную матрицу» (Халас, 2021: 39) приобретают соответствующую идеологическую окрашенность. Иными словами, один и тот же текст, насыщенный символами разных эпох и времен, становится идеологически оформленным, то есть содержит мировоззренческий и идейный контент. Корпус аутентичных текстов не содержит ярко выраженного идеологизированного компонента, однако возникает необходимость подготовки переводческих кадров, владеющих навыками работы с идеологическим компонентом. В этой связи становится очевидной необходимость усиления теоретико-методологической подготовки современных переводчиков. **Вторая проблема** связана со стремительным распространением феминистского дискурса и собственно гендерного фактора. Тенденция «словотворчества» в гендерно ориентированной коммуникации отмечается Э. Прунчем (Прунч, 2015: 351) в разных аспектах, но особое внимание учёный придаёт фактору умалчивания гендерного фактора в переводе, что в настоящее время предаётся критике в переводческой среде, а значит, требует переводческих решений. Безусловно, широко транслируемый гендерный фактор предполагает формирование навыков работы с идеологическим компонентом. **Третья проблема** обусловлена процессом неологизации различных видов дискурса. Существенное отставание в создании и публикации лексикографических изданий и иной справочной литературы принуждают переводчика к интенсивной лингвокреативной деятельности, требующей не только знание родного и иностранного языка, но и когнитивных усилий, направленных на поиск языковых соответствий. Напомним, что в классическом и современном переводоведении в арсенале современного переводчика имеются: 1) буквальный перевод, построенный на минимальной адаптации грамматических структур; 2) верный перевод, основанный на передаче «точных контекстуальных значений слов с помощью грамматических структур переводящего языка»; 3) идиоматический или скорее смысловой перевод; 4) вольный перевод, призванный передать «фактическое содержание подлинника, а не его форму»; 5) адаптация — «наиболее свободная форма передачи текста на другом языке» (Там же: 78–79). Набор переводческих

стратегий при погружении текста в виртуальное пространство предполагает формирование дискурсивных переводческих навыков, служащих освоению гипертекстового пространства средствами языка перевода. **Четвёртая проблема** связана с необходимостью литературного постредактирования результатов машинного перевода, а также работы с элементами мультимодального текста — визуальным, звуковым и графическим контентом. В силу различных экстралингвистических обстоятельств решения требуют и иные вопросы, важные для переводческой деятельности в целом. В рамках данной статьи мы остановимся на концепции учебного пособия, позволяющей в дальнейшем в определённой степени решить вышеперечисленные, весьма значимые для межкультурной и межъязыковой коммуникации вопросы.

Теоретико-методологические основы учебного пособия.

Предлагаемая нами работа требует пересмотра многих концептуальных подходов, применяемых при разработке учебных пособий по иностранному языку и переводу. В ходе творческой деятельности мы столкнулись с рядом вопросов, требующих теоретико-методологического обоснования для решения конкретных лингводидактических проблем. Во-первых, возникла необходимость учёта перехода в новую образовательную парадигму. На протяжении трёх десятилетий в российском образовательном пространстве предпочтение отдавалось формализованному подходу к обучающемуся в рамках заданных образовательных стандартов, в которых формируемым компетенциям отводилась ключевая роль. Попытка «измерить» достижения обучающихся, безусловно, плодотворна и позволяет выйти на объективную оценку результатов обучения студентов, но с течением времени стало очевидным то обстоятельство, что параметризации и стандартизации поддаются не все компоненты образования, в частности, возникла сложность измерения ценностного и шире — идеологического компонента. Если применительно к традиционной логике образования существует возможность замера уровня сформированности компетенций через их составляющие компоненты — знания, умения, навыки, детализировано описанные в соответствующих дескрипторах, то логика воспитательной деятельности, реализуемой через ценностный компонент, не всегда поддаётся параметризации и исчислению. Так, возник вопрос о возможности измерения креативного и этического компонента, иными словами творчества и культуры, сформированных в ходе выполнения трёх миссий каждого университета — образовательной, научной и социальной.

Во-вторых, принципиальным стал вопрос о реализации студентоцентрированного обучения и оценки качества результатов обучения. С точки зрения формального подхода измерение достижений обучающегося осуществляется на основании дескрипторов, которые позволяют дать **объективное** описание уровня сформированности его компетенций, однако с точки зрения развития и формирования личностных качеств особое значение приобретает **субъективная** оценка, необходимая для трансляции гуманизированных ценностей, идеологического компонента, а также доминант социокультурного взаимодействия в профессиональной среде.

В-третьих, формирование личности предполагает её реализацию в разных видах человеческой деятельности, включая когнитивную, коммуникативную, предметно-практическую и т.п. Такая постановка задачи требует учёта ключевых факторов, оказывающих влияние на личность: логического, институционального, экономического и социального.

В-четвертых, нам представляется важным упомянуть в контексте межкультурной и межъязыковой коммуникации понятие амбисемии (термин В.А. Татарина). В трудах В.А. Татарина рассматривается амбисемия термина — «его естественное состояние и непреходящий компонент научно-технической деятельности, в основе которого лежат как внеязыковые, так и внутриязыковые причины» (Татарин, 2006: 136). В когнитивно-дикурсивных и коммуникативно-прагматических исследованиях амбисемия рассматривается в разрезе номинативного и интерпретативного аспектов (Киклевич, 2016). В переводческой теории и практике данное обстоятельство приводит к тому, что при погружении лексемы в определённый контекст последняя приобретает дополнительные смыслы. Этот факт позволяет интерпретировать лексическую единицу с учётом экстралингвистических факторов, способных оказать влияние на коммуникацию. Применительно к нашему исследованию и результатам его пилотной апробации в образовательном процессе при разработке современного учебного или учебно-методического пособия мы полагаем целесообразным учёт логического, институционального, экономического и социального факторов. Последнее возможно только в случае работы с объёмным корпусом текстов, отражающим современные тенденции развития немецкого языка и параллельно русского языка.

Логический фактор. Традиционно в отечественной образовательной системе говорится о трёх миссиях университета — образовательной, научной и социальной. Тем не менее, данные мис-

сии взаимосвязаны, в пространстве каждого университета они пронизывают и дополняют друг друга. Неизбежным становится вопрос о поиске некоего соединительного элемента, способного консолидировать разные виды знания и структурировать их с учётом того, что главным субъектом образовательных отношений был и остаётся обучающийся. В связи с этим представляется рассматривать в качестве такого связующего элемента ценностный, или, говоря более широко — воспитательный компонент, который реализуется в разных формах и форматах — через обучение, научную деятельность и добровольчество, включающее в себя стремление к служению и социальной инициативе. Такое понимание глобальной миссии университета предполагает разработку конвергентных образовательных программ и инновационных учебно-методических изданий.

Институциональный фактор. С течением времени университет приобретает черты социокультурного феномена, призванного соединить функции инновационной площадки, центра сосредоточения и трансляции профессиональной культуры, развития человеческого капитала, обеспечивая тем самым глобальное развитие конкретного локуса с учётом его культурно-исторической специфики.

Экономический фактор. Сегодня образование приобретает непрерывный характер, стимулируя таким образом прогресс в различных областях знания. Одновременно с этим обучающиеся приобретают навыки, которые позволяют им реализовать не только профессиональный компонент, но и продемонстрировать уровень коммуникативной компетентности в разных областях знания. Готовность к непрерывному обучению с целью соответствия требованиям рынка труда даёт стимул к формированию комплекса навыков и умений, опосредованно относящихся к отраслевому знанию.

Социальный фактор. Требования рынка труда, постоянно расширяющийся атлас профессий, запросы конкретных работодателей меняют структуру социального взаимодействия: при сохранении иерархических отношений в институциях одновременно наблюдается тенденция к формированию сетевого взаимодействия, обеспечивающего «диалог на равных». В дальнейшем развитие ризомных связей влечёт за собой развитие системы социальных коммуникаций, стимулирующих активное общественное поведение в социуме для решения конкретных социально значимых задач (Амелькин, Гусейнова, 2023).

Структура учебного пособия. Учебное пособие для студентов лингвистических направлений подготовки и специальностей «Основы практики письменного перевода с немецкого языка на русский язык» имеет классическую структуру. Оно состоит из нескольких разделов, каждый из которых отражает специфику институциональной коммуникации, реализуемой в различных сферах и отличающейся профессиональным компонентом, ядро которого формирует терминосистемы, специальный и общеупотребительный контент. В данном учебном пособии акцент сделан на специфике перевода публицистических текстов, научных текстов и текстов учебных изданий. Каждый раздел содержит упражнения, направленные на выполнение предпереводческого анализа текста, тренировочные упражнения, в которых особое внимание уделяется грамматическим особенностям. В каждом разделе предпереводческий анализ проводится на текстах разной жанровой направленности, что позволяет обучающимся ознакомиться с их жанрово-стилистическими особенностями, а также приобрести навыки работы со сложным аутентичным материалом. Отличительной особенностью учебного пособия является тот факт, что при составлении раздела с упражнениями последние были по большей части сформированы полностью в автоматическом режиме, с помощью оригинальной программы — корпусного менеджера, разработанного на базе лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета в русле концепции профессионально ориентированного программирования (Горожанов, Писарик, 2022; Gorozhanov, Guseynova, 2020).

Технология автоматического получения текстовых образцов.

Исходный текст в формате TXT автоматически преобразуется в базу данных SQLite, которая является частью сбалансированного лингвистического корпуса (Горожанов, 2022; Горожанов, Степанова, 2022). Последний с помощью языка программирования Python обрабатывает запросы, в результате которых пользователь получает предложения, содержащие заданные языковые явления.

Автоматическая разметка, которая производится с помощью библиотеки обработки естественного языка spaCy, предусматривает разделение текстового массива на предложения и на токены, под которыми подразумеваются не только слова, но также пробельные символы, кавычки, знаки препинания и специальные символы (\$, #, * и пр.).

Токены записываются в реляционную базу данных с такими основными характеристиками, как часть речи¹ и исходная форма слова (лемма). Частными, не менее важными характеристиками, являются морфологические признаки частей речи (и специфические для каждой части речи), например, род, число, падеж, грамматическое время, наклонение, залог и пр. и конкретные значения этих признаков (например, «1», «2» или «3» для лица).

Имея возможность оперировать указанными признаками, нами были выбраны следующие проблемные явления в немецком языке, которые вызывают особые сложности в переводе на русский язык: модальность, конъюнктив и придаточные предложения.

Далее с помощью корпусного менеджера формируется соответствующий запрос к базе данных. Для модальных глаголов производится поиск всех предложений, которые содержат леммы “müssen, sollen, können, dürfen, wollen, mögen”, независимо от того, в каких формах употребляется модальных глагол. Для выборки образцов, которые содержат маркер «конъюнктив», в интерфейсе корпусного менеджера выбирается значение “sub” (англ. subjunctive mood) морфологического признака наклонения. Придаточные предложения могут быть найдены, если выставить поиск по элементу «подчинительный союз».

Лингводидактическое описание фрагмента учебного пособия. Для иллюстрации описанного выше мы обратимся к разделу учебного пособия, в котором предполагается работа с научными текстами разных жанров. Обучающимся для осуществления письменного перевода аутентичного текста предлагается научно-популярный жанр. Приведём ниже конкретный фрагмент инокультурного текста на немецком языке “Digitalisierungsschub in Firmen während der Corona-Pandemie” // von Lutz Bellmann, Pauline Bourgeon, Christina Gathmann, Christian Kagerl, David Marguerit, Ludivine Martin, Laura Pohlan, Duncan Roth, на примере которого мы проиллюстрируем лингводидактические аспекты предлагаемого учебного пособия:

Haben Firmen in digitale Technologien investiert?

Seit Beginn der Pandemie hat fast die Hälfte aller Betriebe in digitale Technologien wie Hardware, Software oder digitale Infrastruktur investiert (vgl.

¹ Под частями речи спраСу подразумевает больший набор объектов, чем это принято в «классическом» языкознании. Здесь в эту категорию также относятся «вспомогательные слова», «символы», «знаки пунктуации», «слова-артикли» и «имена собственные».

Abbildung 1). Größere Betriebe investieren dabei häufiger in digitale Technologien als kleinere. Unter den Betrieben mit 250 und mehr Beschäftigten hat fast jeder Betrieb Investitionen getätigt, aber nur 39% der Betriebe mit weniger als zehn Beschäftigten. Am häufigsten wurde im Informations- und Kommunikationssektor (57%) und bei sonstigen Dienstleistungen² (58%), seltener im verarbeitenden Gewerbe (34%), im Baugewerbe (36%) und im Handel (39%) investiert.

Auch ohne die Pandemie hätten die Betriebe möglicherweise in digitale Technologien investiert. Hat die Pandemie also tatsächlich die Verbreitung digitaler Technologien in den Betrieben beschleunigt? Fast 30% der Betriebe geben an, dass die Krise die Einführung oder den Ausbau digitaler Technologien in ihrem Betrieb beschleunigt hat (vgl. Abbildung 2). Gleichzeitig berichten 69%, dass sich die Investitionen nicht verändert haben, während 2% der Betriebe sagen, dass die Krise die Verbreitung digitaler Technologien verlangsamt hat.

URL: <https://www.wirtschaftsdienst.eu/inhalt/jahr/2021/heft/9/beitrag/digitalisierungsschub-in-firmen-waehrend-der-corona-pandemie.html>

Lizenz: <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Приведённый выше фрагмент представляет собой типичный образец научно-популярного текста, публикуемого в немецкоязычных СМИ. Подобный текст характеризуется наличием терминологической, редко — узкоспециализированной лексики, ср. *digitale Technologien wie Hardware, Software oder digitale Infrastruktur* (рус. *цифровые технологии, компьютерное оборудование, программное обеспечение, цифровая инфраструктура*), представляющие собой преимущественно заимствования из различных языков, содержащих в ряде случаев так называемые *неолатинизмы* — слова, имеющие в своём составе элементы греко-латинского происхождения, ср. *Pandemie, Krise, Investition* (пандемия от греческого *pan* — все, *demos* — люди, население) — это «повальная эпидемия, охватывающая население целой области, страны или ряда стран» (URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19845>); кризис от др.-греч. *κρίσις* — суд, приговор, решение; поворотный пункт) — «резкий, крутой перелом в чем-н.; обусловленное противоречиями в развитии общества расстройство экономической жизни; затруднительное, тяжёлое положение» (URL: <https://slovarozhegova.ru/word>).

² Hierzu gehören „Erbringung von freiberuflichen, wissenschaftlichen und technischen Dienstleistungen“, „Erbringung von sonstigen wirtschaftlichen Dienstleistungen“, „Erbringung von Finanz- und Versicherungsdienstleistungen“ und „Kunst und Unterhaltung“.

php?wordid=12364); инвестиция от лат. *investio* — одеваю) — «долгосрочные вложения капитала в отдельные отрасли экономики внутри страны и за рубежом» (URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9867>). Для научно-популярного дискурса характерны также сложные многосоставные слова, которые нередко специалистами в области германистики обозначаются как *слова-гиганты*, которые нередко являются одновременно и гибридными образованиями, ср.: *Informations- und Kommunikationssektor* (рус. *информационная и коммуникационная отрасль / сектор экономики*). Среди терминов научно-популярного дискурса существенную роль играют полутермины, лексические единицы, которые представлены в разных отраслях знания, имеющие не всегда схожий объём значения, и, как следствие, вызывающие трудности у обучающихся при переводе. Отдельного упоминания заслуживают гибридные лексемы, в состав которых входят элементы или целые заимствованные слова, нередко лексемы, содержащие как немецкое слово, так и заимствованную лексическую единицу, например, *Digitalisierungsschub*, *Corona-Pandemie*, *COVID-19-Pandemie* (рус.: *повышение уровня цифровизации, пандемия коронавируса, пандемия КОВИД-19*) и др.

Таким образом, при проведении предпереводческого анализа текста внимание обучающихся следует, прежде всего, обратить на вышеуказанные особенности. Указанные нами примеры представляют не менее двух практических трудностей: 1) не всегда возможно найти перевод в словарях и иной справочной литературе данных понятий; 2) нередко заимствования интернационализированного характера являются так называемыми *ложными друзьями переводчика*. В приведённом выше отрывке их нет, но они представлены в некоторых текстах учебного пособия.

При выполнении предпереводческого анализа текста следует обратить особое внимание на цифровые значения, которые могут быть представлены в виде диаграмм, таблиц или столбцов, подлежащих в дальнейшем интерпретации. От обучающегося требуется предельная концентрация внимания и чёткость при работе с цифрами. Важно обратить внимание на значимость ошибки при работе со статистическими материалами и одновременно на отсутствие контекста при работе с таблицами. Так, термины вне контекста приобретают некоторую расплывчатость и неоднозначность, что требует учёта фактора амбисемии.

Так, в приведённом выше примере такую трудность составляет словосочетание *Verarbeitendes Gewerbe*, да и сама лексема *Ge-*

werbe, которая в немецком языке имеет минимум пять вариантов перевода, а именно: *промысел, ремесло, промышленность, профессия, занятие*, что подтверждает наличие феномена амбисемии по В.А. Татарину. Словосочетание *Verarbeitendes Gewerbe* рассматривается в двуязычных словарях как *производственный сектор*, однако данное терминологическое словосочетание может быть переведено и по-другому — *обрабатывающая промышленность, сектор обрабатывающей промышленности* и др. Не меньшую сложность представляет собой для начинающего переводчика и лексема *Beschäftigte*, которая имеет не менее трёх вариантов перевода: *занятые, работник, рабочие*. Безусловно, самым простым решением будет применение слова *занятые*. Тем не менее, по отношению к производству и процессу производства релевантным будет и лексема *рабочие*. Иными словами, наличие фактора амбисемии создаёт переводческую трудность в письменном переводе, которая многократно усиливается в устном последовательном и синхронном видах перевода.

В ходе предпереводческого анализа текста на немецком языке следует обратить внимание на синтаксические трансформации, обусловленные спецификой одного из самого распространённого и продуктивного способа расширения состава немецкого языка — словосложения. В названии анализируемого нами фрагмента текста присутствует такой термин как *Digitalisierungsschub*, который мы переводим на русский язык как *повышение уровня цифровизации*, исходя из глобального контекста, маркированного лексикой дискурса пандемии коронавируса. Однако в случае обращения к электронным словарям обучающийся получает следующий вариант перевода: *повышение уровня оцифровки*. В подобном случае обучающийся сталкивается с двумя понятиями, маркирующими научно-популярный дискурс коронавируса — *оцифровка* и *цифровизация*. Не меньшую сложность представляет собой лексема *Schub*, которая в словаре трактуется как *тяга, толчок, реактивная тяга*. В подобном случае обучающемуся необходимо привлечь глобальный контекст, иными словами, обратить особое внимание на интерпретативный аспект амбисемии.

Особое внимание в учебном пособии уделяется вопросам модальности, конъюнктива и придаточных предложений. Рассмотрим нижеприведённый контекст из анализируемого нами фрагмента текста учебного пособия:

Auch ohne die Pandemie hätten die Betriebe möglicherweise in digitale Technologien investiert. Hat die Pandemie also tatsächlich die Verbreitung digitaler

Technologien in den Betrieben beschleunigt? Fast 30% der Betriebe geben an, dass die Krise die Einführung oder den Ausbau digitaler Technologien in ihrem Betrieb beschleunigt hat (vgl. Abbildung 2). Gleichzeitig berichten 69%, dass sich die Investitionen nicht verändert haben, während 2% der Betriebe sagen, dass die Krise die Verbreitung digitaler Technologien verlangsamt hat.

В ходе осуществления предпереводческого анализа текста внимание обучающихся следует обратить на форму конъюнктива *Auch ohne die Pandemie hätten die Betriebe möglicherweise in digitale Technologien investiert* (рус. *да и при отсутствии пандемии предприятия, по возможности, инвестировали бы в цифровые технологии*); на лексему, передающую модальность ситуации *möglicherweise*, (рус. *возможно / может быть*). Однако следует учесть, что перевод данной лексики имеет не менее четырёх вариантов в русском языке — *возможно, пожалуй, что, может быть*. При переводе сложных синтаксических конструкций с немецкого языка на русский язык обучающимся нужно напомнить о возможных синтаксических трансформациях. Так, в предложении *Gleichzeitig berichten 69%, dass sich die Investitionen nicht verändert haben, während 2% der Betriebe sagen, dass die Krise die Verbreitung digitaler Technologien verlangsamt hat* обучающийся встречается в рамках данного примера с тремя придаточными предложениями, вводимыми союзными словами *dass / während / dass*. (рус. *Одновременно 69% (опрошенных) сообщают, что они не поменяли (размер) своих инвестиций, в то время как 2% предприятий говорят (утверждают), что кризис затормозил распространение цифровых технологий*). Обучающимся необходимо продумать и обосновать своё переводческое решение в области синтаксиса, насколько целесообразно сохранить синтаксическую структуру без изменений, или всё-таки прибегнуть к соответствующим трансформациям.

Помимо вышеописанного, очевидно, что требует тщательной предварительной отработки и стилистический аспект, который позволяет рассматривать приведённый фрагмент текста в качестве текста, репрезентирующего корпус научно-популярных текстов, публикуемых в немецких СМИ.

На наш взгляд, тщательная предварительная работа позволит избежать «ловушек», поджидающих начинающего специалиста в области межкультурной и межъязыковой коммуникации, и позволит постепенно приобретать опыт в области теории и практики перевода инокультурного текста на родной язык.

Заключение

В результате наших теоретико-практических изысканий, выполненных в ходе разработки учебного пособия «Основы практики письменного перевода с немецкого языка на русский язык», мы полагаем необходимым в условиях меняющейся образовательной парадигмы уделить особое внимание логическому, институциональному, экономическому и социальному факторам. При этом учебное пособие, интегрирующее в себе четыре указанных фактора, должно быть направлено на решение конкретной лингводидактической задачи или комплекса взаимосвязанных лингводидактических задач, актуальных для специалистов в области межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Особое внимание при развитии навыков профессиональной деятельности письменного переводчика следует обратить на феномен амбисемии, включая её терминологическую разновидность, вызывающую трудность у обучающихся.

В качестве нового подхода, используемого при разработке учебных пособий по подготовке специалистов в области межкультурной и межъязыковой коммуникации, предлагается системный подход, интегрирующий четыре ключевых фактора и позволяющий одновременную реализацию трёх миссий университета. Системный мультифакторный подход обеспечивает качественное выполнение лингводидактических задач, направленных на подготовку квалифицированных письменных переводчиков.

Список литературы

Амелькин С.А. Безопасность социальной коммуникации в условиях глобального поворота к цифре — Smart safety society (Triple S) / С.А. Амелькин, И.А. Гусейнова // Междисциплинарные проблемы человеко-машинного взаимодействия : Сборник научных статей. М.: ОнтоПринт, 2023. С. 25–34.

Гарбовский Н.К. История перевода в истории цивилизации / Н.К. Гарбовский, О.И. Костикова. М.: Московский университет, 2020. 274 с.

Горожанов А.И. О методе обучения лингвистов профессионально ориентированному программированию / А.И. Горожанов, О.И. Писарик // Германистика и лингводидактика в Московском и Минском государственных лингвистических университетах: истоки, развитие, перспективы. Казань: Бук, 2022. С. 124–140.

Горожанов А.И. Составление сбалансированного корпуса художественного произведения (на материале романов Ф. Кафки) / А.И. Горожанов, Д.В. Степанова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 7 (862). С. 31–37. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_7_862_31

Горожанов А.И. Экспериментальное моделирование базы данных сбалансированного лингвистического корпуса / А.И. Горожанов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 10. С. 3382–3386. DOI: 10.30853/phil20220563

Ирисханова О.К. Полиmodalный пространственный дейксис в речи и жестах: системы координат в экспланаторном дискурсе / О.К. Ирисханова, М.И. Киосе, А.В. Леонтьева, О.В. Агафонова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 4. С. 17–31. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-4-17-31.

Киклевич А.К. Притяжение языка / А.К. Киклевич. Olsztyn: Centrum Badan Europy Wschodniej, 2016. 372 с. (Притяжение языка; 4; Языковая деятельность: семантические и прагматические аспекты). ISBN 978-83-61605-58-4.

Митягина В.А. Текст вакансии переводчика и лингвиста как проекция компетенций в актуальном дискурсе трудоустройства / В.А. Митягина, А.П. Наумова // Homo Loquens: Вопросы лингвистики и транслатологии: Сборник статей / Редколлегия: В.А. Митягина (отв. ред.) (и др.). Выпуск 15. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2022. С. 3–14.

Нарбут Е.В. Постредактирование машинного перевода (на примере русской сказки «Конёк-Горбунук» П.П. Ершова) / Е.В. Нарбут, Е.С. Шерстнева // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2023. № 39. С. 23–27.

Прунч Э. Пути развития западного переводоведения: От языковой асимметрии к политической / Пер. с нем. М.: Р. Валент, 2015. 528 с.

Татаринов В.А. Терминологическая лексика русского языка: эволюция проблем и аспектов изучения Русский язык в современном обществе М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 131–161.

Халас Э. Символы и общество: Интерпретативная социология. Харьков: Гуманитарный центр, 2021. 293 с.

Gorozhanov A.I. (2020) Programming for specific purposes in linguistics: A new challenge for the humanitarian curricula / A.I. Gorozhanov, I.A. Guseynova // Training, Language and Culture. Vol. 4, No. 4, pp. 23–38. DOI: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-23-38

References

Amel'kin S.A., Guseynova I.A. (2023) Bezopasnost' sotsial'noy kommunikatsii v usloviyakh global'nogo povorota k tsifre = Security of social communication in the context of a global turn to digital — Smart safety society (Triple S), Mezhdistsiplinarnye problemy cheloveko-mashinnogo vzaimodeystviya : Sbornik nauchnykh statey. Moscow: OntoPrint, 2023, pp. 25–34 (In Russian).

Garbovskiy N.K., Kostikova O.I. (2020) Istoriya perevoda v istorii tsivilizatsii = History of translation in the history of civilization, Moscow: Moskovskiy universitet. 274 p. (In Russian).

Gorozhanov A.I., Pisarik O.I. (2022) O metode obucheniya lingvistov professional'no orientirovannomu programmirovaniyu, Germanistika i lingvodidaktika v Moskovskom i Minskom gosudarstvennykh lingvisticheskikh uni-

versitetakh: istoki, razvitie, perspektivy = On the method of teaching linguists professionally oriented programming, German Studies and Linguodidactics at Moscow and Minsk State Linguistic Universities: Origins, Development, Prospects. Kazan: Buk, pp. 124–140 (In Russian).

Gorozhanov A.I., Stepanova D.V. (2022) Sostavlenie sbalansirovannogo korpusa khudozhestvennogo proizvedeniya (na materiale romanov F. Kafki) = Drawing up a balanced corpus of a work of art (based on the novels of F. Kafka), *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. No. 7 (862), pp. 31–37. DOI:10.52070/2542-2197_2022_7_862_31 (In Russian).

Gorozhanov A.I. (2022) Eksperimental'noe modelirovanie bazy dannykh sbalansirovannogo lingvisticheskogo korpusa = Experimental database modeling of a balanced linguistic corpus, *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 15. No. 10, pp. 3382–3386. DOI 10.30853/phil20220563 (In Russian).

Gorozhanov A.I., Guseynova I.A. (2020) Programming for specific purposes in linguistics: A new challenge for the humanitarian curricula. *Training, Language and Culture*. Vol. 4. No. 4, pp. 23–38. DOI:10.22363/2521-442X-2020-4-4-23-38.

Iriskhanova O.K., Kiose M.I., Leont'eva A.V., Agafonova O.V. (2022) Polimodal'nyy prostranstvennyy deyxsis v rechi i zhestakh: sistemy koordinat v eksplanatornom diskurse = Polymodal Spatial Deixis in Speech and Gestures: Coordinate Systems in Explanatory Discourse, *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No. 4, pp. 17–31. DOI:10.20916/1812-3228-2022-4-17-31 (In Russian).

Kiklevich A.K. (2016) Prityazhenie yazyka = Language attraction. Olsztyn: Centrum Badan Europy Wschodniej, 2016. 372 p. (Prityazhenie yazyka; 4; Yazykovaya deyatel'nost': semanticheskie i pragmaticheskie aspekty). ISBN 978-83-61605-58-4 (In Russian).

Khalas E. (2021) Simvoly i obshchestvo: Interpretativnaya sotsiologiya = Symbols and Society: An Interpretive Sociology. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr. 293 p. (In Russian).

Mityagina V.A., Naumova A.P. (2022) Tekst vakansii perevodchika i lingvista kak proektsiya kompetentsiy v aktual'nom diskurse trudoustroystva = The text of the vacancy of a translator and linguist as a projection of competencies in the current discourse of employment, *Homo Loquens: Voprosy lingvistiki i translyatologii: Sbornik statey. Redkollegiya: V.A. Mityagina (otv. red.)* (i dr.). Vol. 15. Volgograd: Volgogradskiy gosudarstvennyy universitet, pp. 3–14 (In Russian).

Narbut E.V., Sherstneva E.S. (2023) Postredaktirovanie mashinnogo perevoda (na primere russkoy skazki “Konek-Gorbunok” P.P. Ershova) = Post-editing of machine translation (on the example of the Russian fairy tale “The Little Humpbacked Horse” by P.P. Ershov), *Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 39, pp. 23–27 (In Russian).

Prunch E. (2015) Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya: Ot yazykovoy asimmetrii k politicheskoy = Ways of development of Western translation studies: From linguistic asymmetry to political, transl. from German Moscow: R. Valent. 528 p. (In Russian).

Tatarinov V.A. (2006) Terminologicheskaya leksika russkogo yazyka: evolyutsiya problem i aspektov izucheniya Russkiy yazyk v sovremennom obshchestve. Moscow: INION RAN, pp. 131–161 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Гусейнова Иннара Алиевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет», Российская Федерация, 119034 Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; guseynova@linguanet.ru

Горожанов Алексей Иванович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет», Российская Федерация, 119034 Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; a_gorozhanov@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Innara A. Guseynova — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor in the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language, Faculty for the German Language, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Linguistic University», Russian Federation, 119034 Moscow, st. Ostozhenka, 38, building 1; guseynova@linguanet.ru

Alexey I. Gorozhanov — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor in the Department of German Language Grammar and History, Faculty for the German Language, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Linguistic University», Russian Federation, 119034 Moscow, st. Ostozhenka, 38, building 1; a_gorozhanov@mail.ru

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-25-42

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ РЕЧИ СИ ЦЗИНЬПИНА НА XX ВСЕКИТАЙСКОМ СЪЕЗДЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЕРЕВОДООРИЕНТИРОВАННОГО МЕТОДА

Ли Цзюань

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: 475851797@qq.com

Аннотация. *Цель.* В статье поставлена цель изучить переводческие решения при передаче речи Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая на русский язык. В связи с целью, основным объектом исследования выступает языковое сознание переводчика, которое находит проявление в переводческих решениях, опосредованных в тексте перевода.

Методы. Анализ переводческих решений при передаче речи китайского лидера средствами русского языка проводится с помощью переводоориентированного метода, который позволяет изучить основные процессы, происходящие в языковом сознании переводчика при выборе переводческого решения, исследуя текст перевода. Кроме этого, в исследовании использовались общенаучные методы, включая описательный анализ, дедукция и индукция, обобщение. Материалом исследования выступил текст доклада китайского лидера Си Цзиньпина на XX съезде Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая и его перевод на русский язык. С помощью сплошной выборки были выбраны высказывания, репрезентирующие особенности китайского политического дискурса, которые в последующем извлекались из текста перевода. Проводился сопоставительный анализ способа перевода, оценка корректности переводческого решения в соответствии с требованиями эквивалентности и адекватности.

Результаты. В результате исследования было обнаружено, что переводческие решения при передаче речи политического лидера Китая чаще всего сводятся к прямому переводу, особенно в случаях интерпретации метафор, идеологем и политических терминов с китайской спецификой. В ряде случаев прямая передача такой лексики не позволяет сделать перевод адекватным и понятным для русскоязычного получателя, а поэтому ставит под сомнение корректность принятого переводческого решения и создаёт угрозу для эффективной международной политической коммуникации двух стран.

Выводы. Совершенствование навыков выбора переводческих решений позволит повысить качество перевода речей китайских политических лидеров на русский язык, что требует более глубокого изучения когнитивных механизмов принятия решения в этом виде перевода.

Ключевые слова: переводческое решение, языковое сознание, речь политического лидера, политический дискурс, китайская специфика, русский перевод, Си Цзиньпин

Для цитирования: Ли Цзюань. Анализ переводческих решений при передаче речи Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая на русский язык с использованием переводоориентированного метода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 2. С. 25–42. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-25-42

Статья поступила в редакцию 14.03.2023;
одобрена после рецензирования 25.09.2023;
принята к публикации 30.09.2023.

ANALYSIS OF TRANSLATE XI JINPING'S SPEECH AT THE 20TH NATIONAL CONGRESS OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA INTO RUSSIAN (BY USING TRANSLATION-ORIENTED METHOD)

Li Juan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: 475851797@qq.com

Abstract. Object. The purpose of the article is to study translation solutions in the Russian translation of Xi Jinping's speech at the 20th National Congress of the Communist Party of China.

© Li Juan, 2023

Methods. The analysis of translation decisions in Chinese leader's speech Russian translation is carried out using the translation-oriented method, which allows us to study the main processes occurring in the translator's language consciousness when choosing a translation solution by translation text's analysis. In addition, the study used general scientific methods, incl. descriptive analysis, deduction and induction, and generalization. Using a random sample, we selected speech utterances in text of the Chinese leader Xi Jinping report at the 20th National Congress of the Communist Party of China. At first, we searched ideologemes, set expressions, idioms, political terms etc. in original Xi Jinping's speech. After that we were subsequently extracted from the translation text and compared them. The translation method analysis chosen by the translator was carried out, the assessment of the correctness of the translation solution in accordance with the requirements for the quality of the translation, as equivalence and adequacy.

Findings. As a result, it was found that translation decisions in the transfer of the speech of the political leader of China most often come down to direct translation, especially in cases of interpreting metaphors, ideologies and political terms with Chinese characteristics. In some cases, the direct transmission of such vocabulary does not make it possible to make the translation adequate and understandable for the Russian-speaking recipient, and therefore casts doubt on the correctness of the translation decision made and poses a threat to effective international political communication between the two countries.

Conclusions. Improving the skills of choosing translation decisions will improve the quality of translation of the speeches of Chinese political leaders into Russian, which requires a deeper study of cognitive decision-making mechanisms in Chinese-Russian political speech's translation.

Keywords: translation decision, language consciousness, political leader's speech, political discourse, Chinese specifics, Russian translation, Xi Jinping

For citation: *Li Juan* (2023) Analysis of Translate Xi Jinping's Speech at the 20th National Congress of the Communist Party of China into Russian (by using translation-oriented method). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies.* 2. P. 25–42. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-25-42

This article was submitted on March, 14.2023;
approved after reviewing on September, 25.2023;
accepted for publication on September, 30.2023.

Введение

Дискуссии о личности переводчика, субъективном и объективном в процессе перевода ведутся в теории транслатологии уже более 80 лет. С 40-х гг. XX столетия, как пишет Н.К. Гарбовский,

«в центре внимания вновь оказался текст, продукт переводческой деятельности, единственный вещественный источник, дающий возможность вывести скрытые законы перевода» (Гарбовский, 2007: 24). На современном этапе возрастает значимость антропоцентрической научной парадигмы, в связи с чем перевод изучается не только как результат, но и как мыслительный, когнитивный процесс, связанный с личностью переводчика, который исходя из собственных убеждений и условий окружающей среды выбирает те или иные способы передачи текста. Именно в текстах как продуктах переводческой деятельности возможно в опосредованной форме обнаружить переводческие решения.

Как пишет А.А. Воюцкая, перевод — это деятельность по принятию решений (Воюцкая, 2017). В зависимости от корректности решений, принимаемых переводчиком, будет полностью зависеть результат, качество текста перевода и эффективность коммуникации представителей разных языковых культур. Особенно актуальным вопрос корректности выбора переводческого решения является в области перевода политического дискурса.

Из истории перевода речей политических лидеров известно множество примеров, когда неверно принятое переводческое решение определённым образом оказывало влияние на международные отношения. Так, некорректность переводческого решения привела к трагическим событиям в Хиросиме, ухудшению отношений Японии и США в 70-е гг., войне в Боснии и Герцеговине (1992–1995 гг.) (Калмыкова, 2020). Переводческие ошибки характерны и для переводов речей китайского лидера Си Цзиньпина, в частности русского перевода речи Председателя на Торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК. Они проявляются в форме буквализма, который ведёт к «нарушениям норм лексической сочетаемости, искажению смысла исходной лексической единицы, лексико-семантической избыточности и недостаточности» (Чэнь Хуань, 2021). Отсутствие корректного переводческого решения ведёт к снижению качества перевода, что абсолютно недопустимо в ситуации перевода речи политического лидера.

В связи с ростом взаимодействия между Китаем и Россией, перевод речей политических лидеров представляется определённо необходимым, поскольку позволяет отразить политические намерения страны в двухсторонних и международных отношениях, сформировать определённое восприятие образа страны за рубежом, способствовать развитию и продвижению отношений двух стран. Всё это обусловило актуальность изучения переводческих

решений при передаче речи китайского лидера средствами русского языка.

Материалы и методы

В настоящее время языковое сознание переводчика изучается разными способами. Поскольку данный термин существует на стыке нескольких дисциплин — прежде всего психолингвистики и теории перевода, исследователями используются как переводоориентированные, так и психолингвистические методы исследования. Первые включают в себя методы, которые направлены на изучение особенностей работы языкового сознания переводчика путём анализа операций перевода, отражённых в тексте. Вторые методы связаны с отслеживанием физиологических процессов как индикаторов психического состояния переводчика, например, сердечный ритм, движения глазного яблока, расширения зрачка и другие. С помощью современных технических средств, таких как ввод с клавиатуры, айтрекер, ядерно-магнитный резонанс и т.д. исследуются распределение когнитивных ресурсов и когнитивная нагрузка в процессе письменного и устного перевода (苏雯超, 李德凤, 2022). В рамках статьи исследование основано на использовании переводоориентированного метода изучения языкового сознания переводчика. Выбор обусловлен тем, что этот метод позволяет использовать результаты перевода, совершенного в естественных условиях, что повышает точность оценки когнитивных процессов, в то же время данные методы не требуют применения специализированного оборудования, а поэтому отличаются большим удобством использования.

В качестве материала исследования выступает текст перевода доклада китайского лидера Си Цзиньпина на XX съезде Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, в котором опосредованы переводческие решения. Полный текст русского перевода доклада содержит 72 страницы, использование всего объёма доклада для анализа не представляется целесообразным. На основе сплошной выборки были отобраны выражения, в которых отражены те или иные особенности речи китайского лидера, и проведён поиск соответствующих переводческих решений для передачи этих особенностей в тексте перевода.

Литературный обзор

Являясь системной интеллектуальной деятельностью, перевод испытывает влияние внешних и внутренних факторов, в ре-

зультате чего происходит порождение переводческого решения, отражённого в переводе как тексте (Гарбовский, Костикова, 2018: 18–19). Переводческое решение может рассматриваться с трёх позиций: как способ преодоления трудностей в переводе (Л.К. Латышев, Я.И. Рецкер, Р.К. Миньяр-Белоручев, А.Д. Швейцер), как результат перевода (Ф. Гюттингер, В.М. Жигалина), как процесс (А.Г. Минченков, Л.В. Енбаева, А.Л. Марьяновская). В настоящей статье переводческое решение рассматривается как способ преодоления трудностей в переводе.

Алгоритм принятия переводческого решения в значительной степени определяет качество перевода как результата (Ушакова, 2016: 207). В широком смысле принятие решения является когнитивным процессом. В области переводческой деятельности принятие решения также представляет собой мыслительный процесс, а поэтому тесно связано с особенностями языкового сознания личности переводчика. В зависимости от языкового сознания переводчика в той или иной ситуации будут принимать разные решения относительно выбора способов и приёмов передачи текста с одного языка на другой.

Определяя термин «языковое сознание», следует отметить, что данное понятие относится к числу видов сознания человека и существует наравне с когнитивным сознанием (Гальперин, 1981). Оно тесно связано с понятием языковой личности, подробно рассматриваемым в трудах ряда российских авторов (Караулов, 1999; Карасик, 2003). Более того, с начала 2000-х гг. всё более широко изучается языковая личность переводчика, представляемая в качестве результата сочетания коллективных и индивидуальных черт и характеризующаяся поликультурностью и гармоничностью (Пшенкина, 2005; Тарнаева, 2008). Участвуя в переводческой деятельности, на уровне языковой личности происходит формирование ассоциативных знаний, выступающих в качестве основы интегративных структур, координирующих языковые картины мира участников межкультурной коммуникации (Пшенкина, 2005).

Ввиду специфики перевода как деятельности, при передаче одного и того же текста средствами языка перевода переводчики могут использовать разные способы, приёмы и по-разному формировать стратегию перевода. В известной теории уровней эквивалентности В.Н. Комиссарова указывается вероятность различия переводческих решений, обусловленного разными целями коммуникации оригинала (Комиссаров, 2001: 121).

Речь политического лидера Китая Си Цзиньпина в соответствии с классификацией перевода (Гарбовский, 2007: 350) следует отнести в тематическому виду общественно-политического перевода. Как правило, перевод подобных текстов осуществляется заранее письменно, а в последующем в процессе трансляции выступления лидера происходит зачитывание готового результата перевода. Скрипты речей политических лидеров почти всегда готовятся заранее, поскольку каждое слово имеет важное значение как для формирования имиджа самого оратора, так и для создания имиджа всей государственной власти или страны на международной арене (если речь идёт о выступлении лидера на международном мероприятии). Как отмечают Н.В. Хорошева и А.Д. Банникова, «фактические и логические ошибки возникают при некорректном использовании переводчиком различных переводческих трансформаций и приёмов — прежде всего, опущения и смыслового развития, а также при использовании “ложных друзей переводчика”» (Хорошева, Банникова, 2020: 61). Делая выбор в пользу тех или иных способов перевода, переводчик несёт ответственность за качество результата перевода и это имеет особое значение в случае перевода речей политических лидеров, определяющих судьбу страны в международном обществе, её народа.

Особенности политического дискурса китайских лидеров к настоящему времени изучались в трудах многих исследователей. О.Е. Брижатый и Е.В. Бахтина предприняли попытку описания речевого портрета Си Цзиньпина, выделив такие аспекты, как интертекстуальность и использование цитат (Брижатый, Бахтина, 2021). Внимание исследователей также привлекают метафорические средства, используемые в речи китайского политического лидера (Ли Сыци, 2017; Сюй Лихун, 2017). В целом, можно выделить такие языковые особенности речи Си Цзиньпина, как наличие прецедентных высказываний, чэньюй, терминологической лексики, в том числе стратегем, метафор и других риторических средств выражения. Точная передача этих особенностей в переводе представляет собой трудную задачу для переводчика, что также обуславливает высокий научный интерес к проблеме передачи стилистических особенностей речи политического лидера средствами русского языка (Круглов, 2020; Ван, Мэн, Сюй, 2019; Ван, 2018).

Результаты

Выбор решений переводчиком в переводе речи политического лидера Китая Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде Коммуни-

стической партии Китая находится в зависимости от особенностей его языковой личности как внутреннего фактора, а также внешних факторов, которые также способны оказывать влияние на языковое сознание. Сталкиваясь с определённо сложными языковыми явлениями в речи политического лидера, включающие стратегемы, идиоматические выражения, метафоры, переводчик, исходя из субъективных оценок качества перевода, способен принять то или иное переводческое решение.

Речь Си Цзиньпина богата политическими терминами, стратегемами, функционирующими преимущественно в партийном дискурсе КПК. Рассмотрим переводческие решения по передаче некоторых из них средствами русского языка:

(1) “人民民主是社会主义的生命，是全面建设社会主义现代化国家的应有之义” (习近平, 2022).

Перевод: «*Народная демократия — это жизнь социализма, естественная составляющая дела всестороннего строительства модернизированного социалистического государства*» (Си Цзиньпин, 2022).

В примере (1) в исходном тексте содержится три термина: первый термин 人民民主 *rénmín mínzhǔ* (букв. народ демократия) был переведён как *народная демократия*, второй термин 社会主义 *shèhuì zhǔyì* (букв. общество идея) интерпретирован как *социализм*, третий термин 社会主义现代化国家 *shèhuì zhǔyì xiàndàihuà guójiā* (букв. общество идея модернизация государство) переведено как *модернизированное социалистическое государство*. При переводе этих терминов переводчик использует способ прямого перевода, что позволяет ему с высокой точностью передать исходные термины из речи китайского политического лидера. Можно проследить стремление переводчика к соблюдению языковых норм современного русского политического дискурса, где при описании политических процессов и тенденций управления государством более частотной является лексема «модернизированный», нежели «современный».

(2) “发挥我国社会主义新型政党制度优势，坚持长期共存、互相监督、肝胆相照、荣辱与共，加强同民主党派和无党派人士的团结合作，支持民主党派加强自身建设、更好履行职能” (习近平, 2022).

Перевод: «*Раскрывать преимущества китайской системы социалистических политических партий нового типа, твёрдо придерживаться курса «длительное сосуществование, взаимный контроль, полное доверие друг к другу и сопереживание радостей*

и невзгод», усиливать сплочённость и сотрудничество с демократическими партиями и беспартийными деятелями, оказывать поддержку демократическим партиям в усилении собственного строительства и более эффективном исполнении своих функций» (Си Цзиньпин, 2022).

В примере (2) представлен политический термин 新型政党制度 *xīnxíng zhèngdǎng zhìdù* (букв. новая политическая партийная система), который относится к опубликованному в июне 2021 г. документу, в котором описывается совершенствование китайской партийной системы и создание её нового типа. Переводчиком используется способ прямого перевода, что позволяет достаточно точно передать исходных смысл термина. Кроме этого, в исходном тексте содержится ряд принципов политического курса по совершенствованию партийной системы 长期共存 *chángqī gòngcún*, 互相监督 *hùxiāng jiāndū*, 肝胆相照 *gāndǎnxiāngzhào*, 荣辱与共 *róngǔ yǔgòng*, которые переведены как *длительное сосуществование, взаимный контроль, полное доверие друг к другу и сопереживание радостей и невзгод*. Здесь первые два устойчивых выражения переведены с помощью прямого перевода, в то время как в отношении перевода последних двух идиом были выбраны иные переводческие решения. В частности, идиома 肝胆相照 *gāndǎnxiāngzhào* (букв. печень и желчный пузырь отражаются, знач. быть по-настоящему близкими, искренними) переведена с помощью смыслового перевода как *полное доверие друг к другу*. Идиома 荣辱与共 *róngǔ yǔgòng* (букв. разделять с кем-либо честь и бесчестье) переведена как *сопереживание радостей и невзгод* с помощью подбора соответствующих устойчивых эквивалентов в русском языке и вместе использования антонимов честь и бесчестье применены слова *радостей и невзгод*.

(3) “我国发展进入战略机遇和风险挑战并存、不确定难预料因素增多的时期，各种“黑天鹅”、“灰犀牛”事件随时可能发生” (习近平, 2022).

Перевод: «Китай вступает в период развития, когда одновременно существуют стратегические шансы, риски и вызовы, возрастают неопределённые и труднопредсказуемые факторы, в любое время могут произойти события как «чёрный лебедь» и «серый носорог» (Си Цзиньпин, 2022).

В примере (3) представлены термины 黑天鹅 *hēi tiān'è* и 灰犀牛 *huī xīniú*, которые переводчиком переведены с помощью прямого перевода как «чёрный лебедь» и «серый носорог». Первый термин

описывает событие с серьёзными последствиями, которое почти невозможно предсказать и известен в теории экономики, в то время как второй термин является специфическим термином, употребляющимся часто в китайском профессиональном дискурсе и обозначающий событие с серьёзными последствиями и высокой вероятностью возникновения, игнорируемое в обществе. Данные термины известны в международном политическом дискурсе, поэтому переводческое решение о выполнении прямого перевода этих словосочетаний представляется вполне рациональным.

(4) “...一些地方和部门形式主义、官僚主义、享乐主义和奢靡之风屡禁不止，特权思想和特权现象较为严重，一些贪腐问题触目惊心...” (习近平, 2022).

Перевод: «У некоторых партийцев и кадровых работников возникли колебания в политических убеждениях, несмотря на то, что неоднократно налагались запреты, в некоторых районах и ведомствах всё ещё имели место проявления формализма, бюрократизма, гедонизма и роскошества, остро стояла проблема распространения менталитета «привилегированного положения» и феномена стремления к нему, некоторые коррупционные деяния вызывали сильное потрясение» (Си Цзиньпин, 2022).

В примере (4) содержится ряд политических терминов, для передачи которых переводчик подбирает соответствующие термины-эквиваленты в русском языке: 形式主义 *xíngshì zhǔyì* формализм, 官僚主义 *guānliaó zhǔyì* бюрократизм, 享乐主义 *xiǎnglè zhǔyì* гедонизм. Также в примере (4) имеются особые социально-политические термины, известные в китайскоязычном дискурсе, но малоизвестные для русскоязычного получателя перевода, в их числе 特权思想 *tèquán sīxiǎng* и 特权现象 *tèquán xiànxàng*, которые соответственно были переведены как менталитета «привилегированного положения» и феномена стремления к нему. В данном случае переводчиком используется смысловой перевод, что позволяет более точно передать смысл данных терминов. Кроме этого, в исходном тексте представлено две идиомы, в их числе устойчивое выражение 屡禁不止 *lǚjīnbùzhǐ* (букв. продолжается несмотря ни на что), переведённое с помощью смыслового перевода как *всё ещё имели место проявления*, и чэнъюй 触目惊心 *chù mù jīng xīn* (пер. ошеломлять, потрясать, поражать, пугать), которое переводчиком переведено как *вызывали сильное потрясение*. Выбор данных переводческих решений делает текст перевода более экспрессивным, позволяя более точно передать коммуникативные намерения политического лидера.

Далее рассмотрим подробнее переводческие решения по передаче метафор, эпитетов и других риторических языковых средств в речи китайского лидера средствами русского языка.

(5) «...统揽伟大斗争、伟大工程、伟大事业、伟大梦想，明确“五位一体”总体布局和“四个全面”战略布局...» (习近平, 2022).

«Мы координировали усилия по осуществлению великой борьбы, великой программы, великого дела и великой мечты, чётко определили общую схему пятиединого строительства и четырёхаспектную всестороннюю стратегическую концепцию...» (Си Цзиньпин, 2022).

В примере (5) метафорические выражения 伟大斗争 wěidà dòuzhēng *великой борьбы*, 伟大工程 wěidà gōngchéng *великой программы*, 伟大事业 wěidà shìyè *великого дела*, 伟大梦想 wěidà mèngxiǎng *великой мечты* передаются с помощью прямого перевода. Данное переводческое решение, как и в примере (3), является, на наш взгляд, не совсем оправданным, поскольку русскоязычному получателю перевода может быть непонятно, что имеется в виду под данными «великими» реалиями, а поэтому целесообразно с помощью дополнения или примечания пояснить сущность данных явлений. Также в примере встречаются идеологемы, переданные с помощью прямого перевода 五位一体 wǔ wèi yītǐ *пятиединого строительства* и 四个全面 sì gè quánmiàn *четырёхаспектную всестороннюю*, что также не вполне корректно и требует пояснения для русского получателя перевода. На наш взгляд, данный пример может быть переведён следующим образом: *Мы координировали усилия по осуществлению «великой борьбы» за историческую судьбу и будущее страны, «великой программы» по партийному строительству, «великого дела» социализма с китайской спецификой и «великой мечты» о возрождении китайской нации, чётко определили общую схему «пятиединого строительства» (экономическое, политическое, культурное, социальное и экологическое строительство) и «четырёхаспектную всестороннюю» стратегическую концепцию (основанную на комплексном построении современной социалистической страны, всестороннем углублении реформ, руководстве страной в соответствии с законом и строгим управлении партией).*

(6) «我们开展了史无前例的反腐败斗争，以“得罪千百人、不负十四亿”的使命担当祛痼治乱，不敢腐、不能腐、不想腐一体推进，“打虎”、“拍蝇”、“猎狐”多管齐下...» (习近平, 2022).

Перевод: «Мы развёртывали беспрецедентную борьбу с коррупцией, с огромным чувством ответственности перед 1,4-миллиардным китайским народом и чувством бесстрашия перед сотнями и тысячами коррупционеров разрешили наиболее проблемные и навели порядок в партии, содействовали интегрированному продвижению работы по созданию атмосферы, при которой никто не смел, не мог и не хотел бы заниматься коррупцией, одновременно «били и по тиграм, и по мухам», а также «охотились на лис»» (Си Цзиньпин, 2022).

В примере (6) встречается выражение 得罪千百人、不负十四亿 *dézuì qiān bǎi rén, bù fù shí sì yì* (букв. оскорбил тысячи людей, не в ответе за 1,4 млрд), которое передано как с огромным чувством ответственности перед 1,4-миллиардным китайским народом и чувством бесстрашия перед сотнями и тысячами коррупционеров, здесь переводчиком выбран способ смыслового перевода, который более точно поясняет смысл исходного выражения. В этой ситуации данное переводческое решение представляется наиболее оптимальным и корректным, передаёт осознание переводчиком неизвестности и непонятности исходного термина при его прямой передаче средствами русского языка. Также в примере содержатся метафоры 打虎, 拍蝇, 猎狐 *dǎ hǔ, pāi yíng, liè hú*, которые переведены с использованием прямого перевода как били и по тиграм, и по мухам, охотились на лис. В частности, били и по тиграм, и по мухам имеет значение «бороться с коррупцией на всех уровнях, не щадя ни мелких, ни самых высокопоставленных чиновников», охота на лис также профессиональный термин в борьбе с коррупцией, который восходит к особому образу лис в китайской культуре как оборотней, способных превращаться и менять сущность. Дословный перевод данных терминов может быть не совсем понятен русскому получателю, а поэтому выбор смыслового перевода при передаче данных метафор был бы более корректным переводческим решением.

Обсуждение

В результате изучения переводческих решений при передаче особенностей речи политического лидера Китая средствами русского языка можно сделать вывод, что переводчик сознательно стремится наиболее точно передать исходный текст, достаточно часто прибегая к прямому переводу как основному переводческому решению в ситуациях передачи различных языковых явлений, включая чэньъюй, идеологемы, метафоры, политические термины.

В некоторых случаях выбор этого решения переводчиком действительно следует считать корректным, особенно если речь идёт о международных политических терминах, которые существуют во всех языковых культурах. В связи с развитием политики Китая и формировании собственного политического курса «с китайской спецификой» речь лидера КНР наполнена множеством национально-специфических политических терминов, которые, несмотря на своё широкое использование в политическом дискурсе КПК, менее известны русскоязычному получателю перевода. В отношении такой лексики переводчиком чаще всего принимается решение о прямой передаче таких терминов средствами русского языка.

Было обнаружено, что не всегда решение, принятое переводчиком, может считаться корректным. Нередки случаи, когда выбор конкретного способа перевода не позволяет в полной мере передать смысл исходного высказывания так, чтобы оно функционально было эквивалентным и воспринималось русскоязычным получателем перевода так же, как могло быть воспринято китайским. Достаточно часто использование прямого перевода при передаче идеологем и метафор не позволяет точно выразить смысл исходного высказывания и достичь эквивалентности перевода. Отсутствие дополнений и примечаний в отношении ряда идеологем делает перевод речи китайского лидера не совсем понятным, нарушая главное требование качества перевода — эквивалентности и адекватности.

Для повышения качества перевода речи политического лидера с китайского на русский язык требует прежде всего ориентироваться на особенности восприятия русскоязычного получателя перевода и, где это необходимо, принимать решение о смысловом переводе или дополнять перевод примечаниями с пояснением значений переводимых политических реалий. Приверженность прямому переводу, как показал анализ перевода речи, не всегда может быть корректным решением перевода. Так или иначе, переводчикам следует совершенствовать навыки принятия корректных решений при переводе речей политических лидеров, что позволит сделать коммуникацию между Китаем и Россией более эффективной.

Заключение

Таким образом, переводчики в силу особенностей мышления могут по-разному определять сущность понятий «эквивалентность» и «адекватность», а поэтому в процессе перевода они могут

ориентироваться на разный результат перевода, субъективно считая данный вариант наиболее приемлемым и целесообразным. Всё это обуславливает неодинаковые переводческие решения, которые в разной степени корректны. Вопрос о корректности переводческого решения стоит наиболее остро, когда речь идет о переводе в сфере политики и международных отношений.

Проведённый в работе анализ позволил обнаружить, что в ситуации с переводом речи китайского политического лидера средствами русского языка проблема корректности переводческих решений продолжает сохраняться и не всегда переводчик может эквивалентно и адекватно передать исходный текст средствами русского языка. В связи с этим изучение когнитивных механизмов принятия переводческого решения при передаче речи китайского лидера средствами русского языка, функционирующих в сознании переводчика, требует более глубоких дальнейших исследований.

Список литературы

Брижатый О.Е., Бахтина Е.В. Лингвистические особенности политического дискурса китайских политиков пятого поколения на примере речи Си Цзиньпина // Политическая лингвистика? 2021. № 5 (89). С. 21–28.

Ван Вэйся. Языковые особенности в речах китайского лидера Си Цзиньпина // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал, 2018. № 1. С. 122–136.

Ван Цуй, Мэн Ся, Сюй Сюэцин. Стилистические особенности речи Си Цзиньпина и их перевод на русский язык // Известия Волгоградского педагогического университета, 2019. № 5. С. 198–202.

Воюцкая А.А. Теория принятия решений в трансдисциплинарной науке о переводе // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода, 2017. № 2. С. 4–19.

Гальперин И.Я. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Перевод и общество // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода, 2018. № 1. С. 17–40.

Калмыкова О. Плод раздора: как ошибки перевода меняют политику и религию. URL: <https://knife.media/lost-in-translation/?ysclid=lem3t84n57252049572>

Карасик В.И. Языковая личность переводчика и типы перевода // Лингвистические основы межкультурной коммуникации. Н. Новгород, 2003. С. 51–61.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Ин-т языкознания РАН, 1999. 180 с.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М., 2001. 424 с.

Круглов В.В. Проблемы перевода политических речей Си Цзиньпина и синтаксические особенности использования фразеологических оборотов на примере чэньюя традиции Ицзина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки», 2020. № 10-2. С. 76–83.

Ли Сыци. Сила речи Си Цзиньпина // Политическая лингвистика, 2017. № 5. С. 105–110.

Ли Цзюань. Анализ ошибок перевода речи Си Цзиньпина на торжественном собрании по случаю 100-летия со дня основания КПК на русский язык // Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95). С. 221–229.

Пшенкина Т.Г. Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика. Барнаул, 2005. 240 с.

Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплочённо бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 16 октября 2022 года. URL: <https://russian.cgtn.com/event/doc/ruSjlsd23-20221025.pdf>

Сюй Лихун. Метафора в речи председателя КНР Си Цзиньпина // Политическая лингвистика, 2017. № 6. С. 135–140.

Тарнаева Л.П. Концепции языковой личности в контексте проблем переводоведения // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, 2008. № 2 (13). С. 55–70.

Ушакова А.О. Переводческое решение — путь к оптимальному переводу технического текста // Учёные записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4 (73). С. 207–209.

Хорошева Н.В., Банникова А.Д. Проблема переводческой ошибки в ситуации синхронного перевода выступлений политических лидеров // Евразийский гуманитарный журнал, 2020. № 2. С. 61–69.

习近平. 高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 http://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm

苏雯超, 李德凤. 认知视角下的译者行为特征研究 (=Су Вэньчао, Ли Дэфэн. Исследование поведенческих характеристик переводчиков с точки зрения познания) // 中国外语 (Иностраный язык, Китай), 2022. № 19 (04). С. 91–96.

References

Brizhatyy O.E., Bakhtina E.V. (2021) Lingvisticheckie osobennosti politicheskogo diskursa kitayskikh politikov pyatogo pokoleniya na primere rechi Si Tszin'pina = Linguistic Features of the Political Discourse of Chinese

Politicians of the Fifth Generation on the Example of Xi Jinping's Speech. *Politicheskaya lingvistika*. No. 5 (89), pp. 21–28 (In Russian).

Gal'perin I.Ya. (1981) Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Text as an object of linguistic research. Moscow: Nauka. 139 p. (In Russian).

Garbovskij N.K. (2007) Teoriya perevoda = Translation theory. Moscow: Moscow St. Univ. Publ. 544 p. (In Russian).

Garbovskij N.K., Kostikova O.I. (2018) Perevod i obshchestvo = Translation and society. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 1, pp. 17–40 (In Russian).

Kalmykova O. (2020) Plod razdora: kak oshibki perevoda menyayut politiku i religiyu. URL: <https://knife.media/lost-in-translation/?ysclid=lem3t84n57252049572> (In Russian).

Karasik V.I. (2003) Yazykovaya lichnost' perevodchika i tipy perevoda = Linguistic personality of the translator and types of translation. *Lingvisticheskie osnovy mezhkul'turnoy kommunikatsii*. Nizhny Novgorod, pp. 51–61 (In Russian).

Karaulov Yu.N. (1999) Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set' = Active grammar and associative-verbal network. Moscow: In-t yazykoznaniiya RAN. 180 p. (In Russian).

Khorosheva N.V., Bannikova A.D. (2020) Problema perevodcheskoy oshibki v situatsii sinkhronnogo perevoda vystupleniy politicheskikh liderov = The problem of translation error in the situation of simultaneous translation of speeches of political leaders. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal*. No. 2. pp. 61–69 (In Russian).

Komissarov V.N. (2001) Sovremennoe perevodovedenie. Moscow, 424 p. (In Russian).

Kruglov V.V. (2020) Problemy perevoda politicheskikh rechej Si Czin'pina i sintaksicheskie osobennosti ispol'zovaniya frazeologicheskikh oborotov na primere chjen#juya tradicii Iczina = Problems of translation of political speeches of Xi Jinping and syntactic features of the use of phraseological units on the example of chengyu of the Yijing tradition. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. No. 10-2, pp. 76–83 (In Russian).

Li Sytsi. (2017) Sila rechi Si Tszin'pina — The Power of Xi Jinping's Speech. *Politicheskaya lingvistika*. No. 5, pp. 105–110 (In Russian).

Li Tszyuan'. (2022) Analiz oshibok perevoda rechi Si Tszin'pina na torzhestvennom sobranii po sluchayu 100-letiya so dnya osnovaniya kpk na russkiy yazyk = Analysis of errors in the translation of Xi Jinping's speech at the solemn meeting on the occasion of the 100th anniversary of the founding of the Communist Party of China into Russian. *Politicheskaya lingvistika*. No. 5 (95), pp. 221–229 (In Russian).

Pshenkina T.G. (2005) Psikholingvisticheskie osnovaniya verbal'noy posrednicheskoy deyatelnosti perevodchika = Psycholinguistic foundations of verbal intermediary activity of an interpreter. Barnaul. 240 p. (In Russian).

Si Tszin'pin. (2022) Vysoko nesyа velikoe znamya sotsializma s kitayskoy spetsifikoy, splochenno borot'sya za vsestoronnee stroitel'stvo modernizirovannogo sotsialisticheskogo gosudarstva. Doklad na XX Vsekitayskom s'ezde Kommunisticheskoy partii Kitaya 16 oktyabrya 2022 goda = Carrying high the great banner of socialism with Chinese characteristics, we will unite in the all-round construction of a modernized socialist state. URL: <https://russian.cgtn.com/event/doc/ruSjlsd23-20221025.pdf> (In Russian).

Su Ven'chao, Li Defen. (2022) Issledovanie povedencheskikh kharakteristik perevodchikov s tochki zreniya poznaniya — Research on behavioral characteristics of translator under cognitive perspective. *Inostranny yazyk Kitay.* No. 19 (04), pp. 91–96 (In Chinese).

Syuy Likhun. (2017) Metafora v rechi predsedatelya KNR Si Tszin'pina = Metaphor in the speech of Chinese President Xi Jinping. *Politicheskaya lingvistika.* No. 6, pp. 135–140 (In Russian).

Tarnaeva L.P. (2008) Kontseptsii yazykovoy lichnosti v kontekste problem perevodovedeniya = Concepts of linguistic personality in the context of problems of translation studies *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. AS Pushkina.* No. 2 (13), pp. 55–70 (In Russian).

Ushakova A.O. (2016) Perevodcheskoe reshenie — put' k optimal'nomu perevodu tekhnicheskogo teksta = Translation solution — the way to the optimal translation of a technical text. *Uchenye zapiski OGU. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki.* No. 4 (73), pp. 207–209 (In Russian).

Van Tsuy, Men Sya, Syuy Syuetsin'. (2019) Stilisticheskie osobennosti rechi Si Tszin'pina i ikh perevod na russkiy yazyk = Stylistic features of Xi Jinping's speech and their translation into Russian. *Izvestiya Volgogradskogo pedagogicheskogo universiteta.* No. 5, pp. 198–202 (In Russian).

Van Veysya. (2018) Yazykovye osobennosti v rechakh kitayskogo lidera Si Tszin'pina = Linguistic features in the speeches of the Chinese leader Xi Jinping. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal.* No. 1, pp. 122–136 (In Russian).

Voyutskaya A.A. (2017) Teoriya prinyatiya resheniy v transdistsiplinarnoy nauke o perevode = Decision-making theory in the transdisciplinary science of translation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22, Teoriya perevoda.* No. 2, pp. 4–19 (In Russian).

Xi Jinping. (2022) Hold High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics and Work Together to Build a Modern Socialist Country in an All-round Way — Report at the Twentieth National Congress of the Communist Party of China; http://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ли Цзюань — аспирант Высшей школы перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва, Ломоносовский проспект д. 4, к. 1; 475851797@qq.com, IRID 337449922, ORCID: 0000-0002-9969-4318

ABOUT THE AUTHOR:

Li Juan — PhD student, Higher School of Translation and Interpreting (Faculty), Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, Lomonosovsky prospect, 4-1; 475851797@qq.com, IRID 337449922, ORCID: 0000-0002-9969-4318

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-43-57

РУССКО-КИТАЙСКИЙ НЕТОЧНЫЙ ПЕРЕВОД С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ ПЕРЕВОДА НА МИКРОУРОВНЕ

Чэнь Чжу

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань, КНР

Для контактов: rainie0918@vip.qq.com

Аннотация. Репрезентативность перевода — это концепция, предложенная известным современным российским теоретиком перевода С.В. Тюленевым. Текст перевода должен корректно отражать основную тему и цель исходного текста на макроуровне, правильно передавать тон повествования автора и его отношение к описываемым реалиям, а для того, чтобы добиться репрезентативности на макроуровне, переводчик должен достичь репрезентативности в деталях, из которых складывается целое — то есть реализовать репрезентативность и на микроуровне. *Цель:* в данной работе в качестве примера для изучения взято монументальное творение Л.Н. Толстого — роман «Война и мир» и его китайский перевод. Автор поочерёдно анализирует примеры перевода с точки зрения репрезентативности на фонетическом уровне, уровне словообразовательных моделей, а также на грамматическом, лексическом и синтаксическом уровнях, с разных точек зрения исследуя причины возникновения ошибок в русско-китайском переводе. *Методы:* сопоставительный анализ, обобщение, сравнение и систематизация. *Результаты:* недостижение репрезентативности перевода на микроуровне не сказывается на его репрезентативности на макроуровне, а вот ошибки в переводах, не достигших репрезентативности на макроуровне, могут проявляться на любом из микроуровней. *Выводы:* в своей профессиональной практике переводчики должны добиваться репрезентативности перевода не только на макроуровне, но и прилагать все усилия для достижения репрезентативности на вышеописанных микроуровнях. Это позволит им осуществить перевод, наиболее близкий к исходному тексту, и максимально точно

воспроизвести идейное содержание, которое хотел донести до читателя автор исходного текста.

Ключевые слова: неточный перевод, репрезентативность, С.В. Тюленев, микроуровень, «Война и мир»

Для цитирования: Чэнь Чжу. Русско-китайский неточный перевод с точки зрения репрезентативности перевода на микроуровне // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 2. С. 43–57. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-43-57

Статья поступила в редакцию 26.03.2023;
одобрена после рецензирования 25.09.2023;
принята к публикации 29.09.2023.

RUSSIAN-CHINESE INACCURATE TRANSLATION FROM THE PERSPECTIVE OF THE REPRESENTATIVENESS OF TRANSLATION AT THE MICROLEVEL

Chen Zhu

Central China Normal University, Wuhan, PRC

For contacts: rainie0918@vip.qq.com

Abstract. Representativeness of translation is a concept proposed by the famous modern Russian translation theorist S.V. Tyulenev. The translation text must correctly reflect the main theme and purpose of the source text at the macro level, correctly convey the tone of the author's narrative and his attitude to the described realities, and in order to achieve representativeness at the macrolevel, the translator must achieve representativeness in the details that make up the whole, i. e. to realize representativeness at the microlevel. *Object:* in this work, the monumental creation of Leo N. Tolstoy's novel "War and Peace" and its Chinese translation are taken as an example for study. The author alternately analyzes translation examples from the point of view of representativeness at the phonetic level, the level of word-formation models, as well as at the grammatical, lexical and syntactic levels, from different points of view investigating the causes of errors in Russian-Chinese translation. *Methods:* comparative analysis, generalization, correction and systematization. *Findings:* achieving the representativeness of a translation at the microlevel does not affect its representativeness at the macrolevel, but errors in translations that have not reached representativeness at the macrolevel can manifest themselves at any of the microlevels. *Conclusions:* in their professional practice, translators should strive for representativeness of translation not only at the macrolevel, but also

© Chen Zhu, 2023

make every effort to achieve representativeness at the microlevels described above. This will allow them to carry out the translation closest to the source text and reproduce as accurately as possible the ideological content that the author of the source text wanted to convey to the reader.

Keywords: inaccurate translation, representativeness, S.V. Tyulenev, microlevel, “War and peace”

For citation: *Chen Zhu* (2022) Russian-Chinese inaccurate translation from the perspective of the representativeness of translation at the microlevel. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda* — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 43–57. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-43-57

The article was received on March 26, 2023;
approved after reviewing on September 25, 2023;
accepted for publication on September 29, 2023.

За две с лишним тысячи лет бурного развития науки и практики перевода в Китае и странах Запада многочисленные теоретики и исследователи перевода выдвигали различные взгляды на понятие «стандартов перевода», проводя их систематическое обобщение.

В 1898 году Янь Фу, известный китайский переводчик и теоретик перевода, в своём труде «Эволюционизм» (Янь, 2009: 6) напрямую предложил следующие стандарты перевода: «точность, выразительность и чувство языка». Линь Юйтан в своей работе «О переводе» (У, 1932: 5) выдвинул следующие переводческие стандарты «верность, красноречие и изящество». Исходя из сходств и различий в китайском и западном способе мышления и эстетического восприятия, Фу Лэй вывел концепцию «подчёркивания сходства по духу, а не сходства по форме». К наиболее значимым теориям перевода на Западе относятся «три принципа перевода» А.Ф. Тайтлера в XVIII веке, «динамическая эквивалентность» американского теоретика перевода Ю.А. Найды в XX веке, «семантический перевод» и «коммуникативный перевод» П.А. Ньюмарка из Великобритании и др.

В переводоведении хорошо известны имена вошедших в историю этой науки русских учёных А.А. Смирнова, А.В. Федорова, Л.С. Бархударова и других. В своей работе «Методика литературного перевода» (Смирнов, 1934: 426) Смирнов предложил понятие «адекватность перевода». По его мнению, при переводе исходный текст и целевой текст должны не только полностью соответство-

вать друг другу, но и выполнять одну и ту же функцию. В своей книге «Основы общей теории перевода» (Федоров, 1983: 6–7) Федоров отмечал, что в процессе перевода не требуется, чтобы перевод и оригинал буквально везде были в одинаковой степени приближены друг к другу, а необходимо использовать в целевом тексте языковые средства, которые выполняли бы тождественную роль в плане выражения. В своей монографии «Язык и перевод» (Бархударов, 2007: 240) Бархударов указывал, что задача переводчика состоит в том, чтобы как можно полнее передать различные виды смысла, в том числе денотативные, прагматические и внутрилингвистические значения.

Выше приведены лишь наиболее репрезентативные работы из разных стран, касающиеся различных стандартов перевода, а споры о переводческих стандартах не утихают уже многие годы.

Репрезентативность перевода — это концепция, предложенная известным современным российским теоретиком перевода С.В. Тюленевым. Он подробно описывает эту концепцию в своей книге «Теория перевода». Он считает, что перевод должен представлять исходный текст средствами другого языка, а для достижения репрезентативности нет необходимости в дословном соответствии целевого текста оригиналу. Тюленев отмечал: «С точки зрения теории информации то, что переводчик сообщает реципиентам, это не вся исходная информация, а та часть информации, которая способна вызвать у реципиента «поведенческий стимул» (Тюленев, 2004: 10).

Тюленев делит репрезентативность перевода на макроуровень и микроуровень. Текст перевода должен отвечать требованиям репрезентативности на макроуровне, а именно корректно отражать основную тему и цель исходного текста, правильно передавать тон повествования автора и его отношение к описываемым реалиям. Для того чтобы добиться репрезентативности на макроуровне, переводчик должен достичь репрезентативности в деталях, из которых складывается целое — то есть реализовать репрезентативность и на микроуровне.

Тюленев выделяет пять типов репрезентативности на микроуровне: репрезентативность на фонетическом уровне, на уровне словообразовательных моделей, а также на грамматическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Перевод, обеспечивающий репрезентативность только на макроуровне, должен сохранить по крайней мере коммуникативную цель и важнейшие черты исходного текста, тогда как перевод, обеспечивающий репрезентативность на всех микроуровнях, должен быть максимально близок к

оригиналу. Это уже дословный перевод оригинала. Корректными переводами можно считать только целевые тексты, достигнувшие репрезентативности хотя бы на макроуровне. Другими словами, переводные тексты, которые не достигли репрезентативности на макроуровне, являются ошибочными.

Ошибочный перевод — явление, которое учёные исследуют в течение многих лет, а практики — стараются избегать. Поскольку языковые формы и культурное происхождение русского и китайского языков значительно различаются, то при русско-китайском переводе невозможно добиться стопроцентного соответствия между исходным и переводным текстом, а неточности перевода становятся неизбежностью. Например, русские исповедуют православное христианство и верят в то, что мир создан Богом, поэтому в русском языке есть выражение «Боже мой!». Хотя мы и можем перевести это русское выражение как «天哪!», всё-таки «Боже» в русском и китайское «天» («небеса») — это не одно и то же. Поскольку в Китае исповедуют буддизм и даосизм, то в этой культуре присутствуют даосское верховное божество «Нефритовый император», а также буддийский «Янь-ван». Эти концепции не имеют абсолютно ничего общего с православным «Богом».

Другой пример: фраза «студент читает книгу» зачастую переводится на китайский как «学生在读书», и во многих случаях такой перевод вполне корректен. С другой стороны, из упомянутой фразы на русском языке мы можем почерпнуть, что речь идёт о студенте мужского пола, который читает одну книгу. В китайском же переводе эти две характеристики не проявлены вовсе. Кроме того, действие, описанное в китайском предложении, происходит в момент речи, а в русском оригинале время действия не очевидно. Такие потери и добавления в целом не препятствуют коммуникации на двух языках.

Знаменитый китайский писатель и переводчик Цянь Чжуншу однажды сказал: «Между письменностью одной страны и письменностью другой страны неизбежно присутствует расстояние — кроме того, как правило, существует расстояние между пониманием переводчика и его способностью передать понятное. Успешное путешествие в мир переводного текста — очень нелёгкая задача. Это изнуряющее, полное трудностей и опасностей путешествие, в ходе которого неизбежно придётся пойти на жертвы и набить немало шишек. Поэтому в переводе всегда есть место искажениям и отклонениям от оригинала, когда переводчик не полностью его придерживается, допускает отступления при

передаче смысла или нарушает узус оригинала» (Цянь, 1979: 267). То, что ошибки при переводе неизбежны, является объективным фактом, однако их минимизация и улучшение качества перевода зависит от личных усилий переводчика. Только выяснив уровень, на котором возникли ошибки, и проанализировав причины их возникновения, мы сможем обобщить эффективные методы предотвращения ошибок, чтобы применять их в последующей переводческой практике.

Тюленев полагает, что недостижение репрезентативности перевода на микроуровне не сказывается на его репрезентативности на макроуровне, а вот ошибки в переводах, не достигших репрезентативности на макроуровне, могут проявляться на любом из микроуровней. Ниже представлен анализ переводческих ошибок на примере перевода романа «Война и мир» на китайский язык с разделением на языковые ярусы в соответствии с классификацией репрезентативности на микроуровне у Тюленева.

1. Репрезентативность на фонетическом уровне

Фонетический уровень перевода образуют мельчайшие языковые элементы — звуки, которые, в свою очередь, выражаются буквами. Артикуляционные базы разных языков существенно различаются. Даже родственные языки с близкими историческими корнями отличаются фонетически. Перевод на фонетическом уровне в первую очередь связан с именами собственными, историческими и культурными реалиями, географическими названиями и т.д. Этот уровень нацелен на содержание, которое наличествует в переводимом, но отсутствует в переводном тексте.

Пример: — Ну, что, Лёля? — обратился он тотчас же к дочери с тем небрежным тоном привычной нежности, который усваивается родителями, с детства ласкающими своих детей, но который князем Василием был только угадан посредством подражания другим родителям. (Толстой, 2012: 178)

«喂, 怎么样, 小海伦?» 他随即对女儿说, 用的是父母对宠儿惯用的亲昵语气, 不过这种语气华西里公爵是从别人那里学来的。 (Цао, 1992: 284)

«怎么样, 廖莉娅?» 他马上又问女儿, 用的是惯常的温柔而又随便的语气, 一般从小疼爱子女的父母都惯用这种语气, 而瓦西里公爵则是从别的父母那里模仿来的。 (Чжан, 2019: 237)

У каждого имени в русском языке имеется уменьшительно-ласкательная форма, которая используется для выражения близости отношений между людьми. Например, «Коля» — это уменьшитель-

но-ласкательное от «Николай», «Лена» — это «Елена», «Саша» — это «Александра» и т.д. «Лёля» в приведённом примере оригинала — это уменьшительно-ласкательная форма имени «Элен». В китайской культуре для ласкового обращения к человеку, как правило, не используют какого-то другого имени, а добавляют «小» или «阿» перед его именем или используют удвоение. Если девушку зовут Ли Хун (李红), в Китае её будут звать Сяо Хун (小红), А Хун (阿红) или Хунхун (红红). Чжан Цзе транслитерировал «Лёля» как «廖莉娅». Читателям, незнакомым с уменьшительно-ласкательными формами русских имён, будет трудно увязать «廖莉娅» с использованной ранее по тексту полной формой имени «海伦» («Элен»), и они могут подумать, что в романе появился новый персонаж, неправильно поняв смысл оригинала. Цао Ин переводит это имя как «小海伦», добавляя перед полной формой имени «小», как это принято при ласковом обращении к человеку в китайской культуре. Таким образом, читатели сразу понимают, о ком идёт речь, и могут почувствовать особенный ласковый и нежный тон обращения. С этой точки зрения интерпретация Цао Ином уменьшительно-ласкательного варианта русского имени является вполне подходящим способом перевода. Но в таком случае читатели будут думать, что способ выражения близости через обращение по имени в русском и китайском языках одинаков и что для этого нужно добавлять «小» перед именем, а это приводит к неправильному пониманию читателем русской культуры. С точки зрения фонетики транслитерация «廖莉娅», обладает явно большей переводческой репрезентативностью, чем «小海伦».

Пример: — Петя! **Петька!** — закричала она ему. — Вези меня вниз. (Толстой, 2012: 429)

«彼佳! 彼季卡!» 她朝他叫喊起来。“把握背下楼去。” (Чжан, 2019: 587)

“彼嘉! 小彼嘉!” 娜塔莎叫道。» 背我下楼。» (Цао, 1992: 689)

Как и в приведённом ранее примере, «Петька» — это уменьшительно-ласкательная форма имени «Петя», переданная в китайском фонетически как «彼季卡». Цао Ин опасается, что читатели не смогут обнаружить связь между «彼季卡» с «彼嘉» и понять, что эти два имени относятся к одному и тому же лицу. Поскольку читатель может, таким образом, неправильно понять оригинал, то переводчик передаёт имя на китайский манер ласкового обращения — «小彼嘉». Это действительно позволяет избежать лишних недопониманий в процессе чтения со стороны китайских читателей, но в то же время лишает их возможности оценить культурную коннотацию

уменьшительно-ласкательных форм русских имён, и в жертву приносится часть репрезентативности перевода.

2. Репрезентативность на уровне словообразовательных моделей

При переводе традиционные для исходного языка словообразовательные модели должны, насколько это возможно, передаваться с помощью традиционных словообразовательных моделей языка перевода. Нарушение этого принципа перевода приведёт к потере репрезентативности перевода в той или иной степени. Например, довольно трудно перевести суффиксы *-ible* и *-able* в английских словах, и перевод часто кажется неясным: *defensible* — тот, которого можно защитить или оправдать, *taxable* — налогооблагаемый. Другим примером является русский суффикс *-ся*, который часто имеет значение страдательного залога и должен переводиться с применением «被……的», при этом в переводе его легко спутать с глаголами в действительном залоге без этого суффикса.

Пример: — ...Потом, сами сообразите, как я мог **устроиться** из двухсот тридцати рублей. А я откладываю и ещё отцу посылаю, — продолжал он, пуская колючку. (Толстой, 2012: 52)

«……再就是, 请您想一想, 这二百三十卢布我是如何安排的。我存点钱, 还给父亲寄一点。”他继续说, 嘴里吐着烟圈。(Чжан, 2019: 68)

“……再有, 请您想想, 两百三十卢布怎么够我开销? 我得存点钱, 还要寄点给父亲,” 别尔格嘴里吐着烟圈, 继续说。(Цао, 1992: 79)

Русское «устроить» переводится на китайский как «安排», «安置», а в глаголе «устроиться» в исходном тексте добавлен возвратный суффикс, и его, соответственно, следует перевести как «被安排好、得以安顿好». Цао Ин напрямую перевёл «устроиться из двухсот тридцати рублей» на китайский как «安排二百三十卢布», что, очевидно, является результатом ошибочной интерпретации «устроиться» как производного от «устроить», в результате чего не была достигнута репрезентативность на уровне словообразовательных моделей и допущена ошибка в переводе. Если эту фразу перевести дословно, то на китайском получится «被二百三十卢布安排好». Данный отрывок позаимствован из сцены спора между Шиншиным и Бергом, двумя гостями графа Ростова, по поводу оплаты службы в кавалерии и пехоте. Берг говорит о своём жалованье пехотинца: «я откладываю и ещё отцу посылаю», т.е. «мне нужно копить деньги, а ещё посылать отцу». Этим он хотел сказать: «Каким образом может хватить двести тридцати рублей, если хочешь хорошо устроиться?» Перевод Цао Ина «как я могу покрыть

свои расходы» также сохраняет первоначальный смысл, и его легче понять. Такой перевод вполне допустим.

Пример: Капитан Тушин, **распорядившись** по роте, послал одного из солдат отыскивать перевязочный пункт или лекаря для юнкера и сел у огня, разложенного на дороге солдатами. (Толстой, 2012: 165)

图申上尉把连队安顿好后, 派一个士兵去给士官生寻找包扎站或军医, 然后在士兵们在路中间生起的火堆旁坐下。(Чжан, 2019: 219)

土申上尉向全连发了命令, 派一个兵去为士官生找救护站或军医, 然后在路边士兵们生起的篝火旁坐下来。(Цао, 1992: 259)

Русское «распорядиться» означает в китайском «吩咐, 命令, 安排 (做什么、怎么做等)», поэтому данную фразу следует перевести как «图申上尉向全连下达了指令». Чжан Цзе перевёл это слово как «安顿好», неправильно приняв исходную форму слова «распорядившись», поэтому переводчик не достиг репрезентативности перевода на уровне словообразовательных моделей.

3. Репрезентативность на грамматическом уровне

Грамматический уровень языка — это один из его ярусов, которые лучше всего отражают национальные характеристики языка той или иной страны. У каждого языка есть свои уникальные грамматические правила, которые отличают его от других языков, даже если это два языка с общим происхождением — не говоря уже о таких совершенно разных языках, как русский и китайский. Непонимание правил грамматики исходного языка или неправильное использование грамматики целевого языка приведёт к неправильному переводу.

Пример: — Подъехав к крыльцу **большого дома у конногвардейских казарм, в котором жил Анатоль**, он поднялся на освещённое крыльцо, на лестницу, и вошёл в отворённую дверь. (Толстой, 2012: 29)

他来到阿纳托里所住的近卫骑兵团大楼, 登上灯光明亮的台阶, 来到二楼, 走进一道敞开的门。(Цао, 1992: 40)

到了近卫骑兵营房里阿那托尔所住的大屋子的台阶前, 他跨上有灯的台阶, 上了楼梯, 走近一道敞开的门。(Гао, 2018: 45)

他到了近卫骑兵营防旁阿纳托利居住的一座大房子前, 上了灯火未熄的台阶和楼梯, 进了一扇敞开着的门。(Чжан, 2019: 34)

Употребление предлога «у» с существительным в родительном падеже служит для выражения значения «рядом, вблизи». «Большой дом у конногвардейских казарм» в исходном тексте означает, что большой дом находился поблизости казарм, а не внутри казарм.

Поэтому мы видим, что ни в переводе Цао Ина «阿纳托里所住的近卫骑兵大楼», ни в интерпретации Гао Чжи «近卫骑兵营房里阿那托尔所住的大屋子» не передан смысл предлога «у», а значит не достигнута репрезентативность на грамматическом уровне и допущена ошибка в переводе. Читатели на этом месте будут недоумевать, почему сын графа живёт в кавалерийских казармах. Неужели казармы — это место, где каждую ночь веселится и гуляет аристократическая молодёжь? Перевод Чжана Цзе, напротив, абсолютно точно передаёт смысл оригинала как «在兵营旁边的大房子», не оставляя у читателей никаких сомнений.

Пример: — ...Нынче он меня звал, **я не поеду**.

— Дай мне честное слово, что ты не будешь ездить?

— Честное слово! (Толстой, 2012: 29)

«...今天他邀请过我, 我没有去。”

“你敢向我保证不去吗?”

“保证不去!” (Чжан, 2019: 34)

“...今天他邀请我去, 我不去了。”

“你能向我起誓不去吗?”

«我起誓!» (Цао, 1992: 39)

В вышеприведённом диалоге из романа описывается сцена, в которой князь Андрей уговаривает Пьера не водить компанию с сыном князя Василия Курагина Анатодем, не искать удовольствий и не гулять вместе с ним. Пьер выражает свою позицию словами: «Нынче он меня звал, **я не поеду**», то есть «今天他叫了我, 我不会去的» на китайском. В русском языке «я не поеду» — это фраза с глаголом в будущем времени, которая выражает действие, которое ещё не произошло в момент речи. Однако «我没有去» в переводе Чжан Цзе однозначно употреблено в прошедшем времени, что не соответствует первоначальному значению в исходном тексте. Таким образом, в таком переводе не достигнута репрезентативность на грамматическом уровне и допущена неточность. «我不去了» же в переводе Цао Ина соответствует фразе в будущем времени.

4. Репрезентативность на лексическом уровне

Отсутствие репрезентативности на лексическом уровне вызвано несоответствием лексических значений в разных языках или в родственных языках.

Пример: — Il a eu encore un coup, il y a une demi-heure. Ещё был удар. Courage, mon ami...

Пьер был в таком состоянии неясности мысли, что при слове «удар» ему представился удар какого-нибудь тела. Он, недоумевая,

посмотрел на князя Василия и уже потом сообразил, что ударом называется болезнь. (Толстой, 2012: 68)

«半小时前他又发过病了。又发过病了。勇敢点，我的朋友...»

皮埃尔头脑里一片混乱，弄不懂“发病”究竟指什么。他茫然地望望华西里公爵，后来才明白“发病”是指病情危急。(Цао, 1992: 105–106)

“半个钟头前中风又发作了一次。中风又发作了。勇敢些，我的朋友...”

皮埃尔的思想很混乱，他在听到“中风”二字时，把它想象成受到某种物体的打击。他困惑不解地朝瓦西里公爵看了一眼，后来才明白这指的是一种病。（“中风”的俄语原文为“удар”，它的基本意义为“打击”。）(Чжан, 2019: 90)

В приведённом отрывке романа в примере описывается сцена, в которой Пьер спрашивается у князя Василия о здоровье отца. Основное значение слова «удар» в русском языке соответствуют китайским «打、击、碰、撞», но также у этого слова есть другое значение: «中风、脑溢血» (инсульт). Цао Ин переводит русское слово как «发病», оставляя читателей в недоумении по поводу того, какая у отца Пьера болезнь. В следующем далее тексте перевода путаница в голове Пьера по поводу двух значений слова «удар» вообще не упоминается, и данная информация заменена переводчиком на «弄不懂发病究竟指什么». Возможно, такое решение связано с невозможностью подобрать в китайском языке схожее по смыслу с русским «удар» двузначное слово и трудностью передачи средствами переводного языка путаницы в голове у героя, описанной в оригинальном произведении. Переводчик просто опускает это описание, лишь в общих чертах донося до читателя смысл исходного текста. Великолепное описание ошеломлённого состояния персонажа в оригинале теряет свой блеск в переводе. С другой стороны, перевод Чжана Цзе совершенно точно передаёт изначально заложенный автором романа смысл. Переводчик через примечание объясняет двойное значение слова «удар», чтобы читатели могли ясно и интуитивно прочувствовать состояние персонажа романа. Поэтому в данном варианте лучше реализована репрезентативность перевода на лексическом уровне.

Пример: — Кажется, **писак** довольно развелось, — сказал старый князь, — там в Петербурге все пишут, не только ноты — новые законы все пишут. (Толстой, 2012: 450)

«似乎书写的人大量地出现了。」老公爵说，“在彼得堡大家都在那里写，不但写牒文，而且都在写新的法律。”(Гао, 2018: 776)

“看来，摇笔杆子的人才辈出，”老公爵说，“彼得堡大家都在舞文弄墨，不仅写写照会，还起草新法律。”(Цао, 1992: 727)

В примере рассмотрен отрывок из произведения со сценой разговора князя Николая Андреича с гостями, приглашёнными на домашний обед. Они обсуждали ноту, связанную с Ольденбургским делом, и удивлялись, как плохо она была написана. В связи с этим князь Николай Андреич высказался в саркастическом тоне фразой в вышеприведённом отрывке. «Писака» в русском означает «скверный писатель, который гонится за количеством в ущерб качеству», а также имеет устаревшее значение «человек, который пишет прошения» и носит явный презрительный оттенок. Гао Чжи переводит это слово нейтрально как «书写的人», проигнорировав эмоциональную окраску исходного слова, не сумев полностью передать смысл оригинала, в связи с чем перевод частично утратил репрезентативность на лексическом уровне. Первоначальное значение «笔杆子» в китайском — это «часть ручки, за которую держатся рукой». Слово также часто применяется в переносном смысле в отношении человека, который хорошо умеет писать. Если же перед этим словом добавляется иероглиф «摇» или «耍», то новое слово приобретает отрицательный оттенок, переключаясь с коннотацией презрения русского слова «писака». Таким образом, переведя слово «писака» с помощью «摇笔杆子的», Цао Ин не только передаёт основную информацию исходного слова, но и сохраняет его эмоциональную окраску, демонстрируя лучший перевод.

5. Репрезентативность на синтаксическом уровне

Отсутствие репрезентативности на синтаксическом уровне часто связано с неправильным пониманием переводчиком синтаксической структуры исходного текста.

Пример: **Когда заиграла** музыка, Наташа **вошла** в гостиную и, подойдя прямо к Пьеру... (Толстой, 2012: 59)

音乐演奏时, 娜塔莎走进客厅, 一直走到彼埃尔面前... (Гао, 2018: 99)

娜塔莎走进客厅, 音乐正好开始。她径直走到皮埃尔跟前... (Цао, 1992: 91)

音乐奏响后, 娜塔莎走进了客厅, 径直走到皮埃尔跟前... (Чжан, 2019: 77)

Если в сложноподчинённом предложении с придаточным времени в русском языке, начинающемся с союза «когда», глаголы в главном и придаточном предложениях употреблены в несовершенном виде, это означает, что действие в главном и придаточном предложениях происходят одновременно. Если же глаголы в главном и

придаточном предложении употребляются в совершенном виде, то это означает, что действие главного предложения происходит после действия в придаточном предложении. В предложении исходного текста глаголы «заиграть» и «войти» употреблены в совершенном виде, поэтому по смыслу действие «заиграла музыка» должно происходить до действия «Наташа вошла в гостиную». В переводе Гао Чжи «音乐演奏时» не учтена приставка «за-» в слове «заиграть», которая служит для обозначения начала какого-то действия, а в переводе Цао Ина «正好开始» не передан последовательный порядок действий в главном и подчинённом предложении. И только в переводе Чжана Цзе точно переданы временные отношения в исходном предложении и достигнута репрезентативность на синтаксическом уровне.

Пример: Тушину теперь только, при виде грозного начальства, во всём ужасе представилась его вина и позор в том, что он, оставшись жив, потерял два орудия. Он **так** был взволнован, **что** до сей минуты не успел подумать об этом. (Толстой, 2012: 167)

此刻当着严厉的长官的面，土申才恐惧地意识到自己活着丢了两门大炮是一种失职和耻辱。他情绪非常激动，因为以前一直没想到这一层。(Цао, 1992: 263)

现在图申一见到了严厉的长官，就十分恐惧地意识到，他的过错和耻辱在于自己活了下来，却丢了两门大炮。他是那样的激动，以至于直到此刻还没有来得及考虑这一点。(Чжан, 2019: 221–222)

Для русских сложноподчинённых предложений с союзом «так... что...» в китайском языке есть устоявшийся способ перевода с помощью конструкции «是这样...以至于...», которой и воспользовался в своём переводе Чжан Цзе. Из приведённого отрывка оригинала мы узнаем, что Тушин при отступлении потерял два орудия, и до этого не ощутил незавидности такой ситуации. Именно потому, что он «так был взволнован», то и «не успел подумать об этом». Цао Ин в своём переводе перепутал главное предложение с придаточным и поэтому для передачи смысла оригинала использовал конструкцию с «因为», в результате чего была утеряна репрезентативность перевода на синтаксическом уровне и была допущена ошибка в переводе.

Подводя итог, можно сказать, что в своей профессиональной практике переводчики должны добиваться репрезентативности перевода не только на макроуровне, но и прилагать все усилия для достижения репрезентативности на вышеописанных микроуровнях. Это позволит им осуществить перевод, наиболее близкий к исходному тексту, и максимально точно воспроизвести идейное

содержание, которое хотел донести до читателя автор исходного текста.

Список литературы

Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: ЛКИ, 2007.

Смирнов А.А. Методика литературного перевода. Литературная энциклопедия. Т. 8. 1934.

Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 1–4. М.: Планета, 2012.

Тюленев С.В. Теория перевода. М.: Гардарики, 2004.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Высшая школа, 1983.

高植译. 战争与和平. 武汉: 长江文艺出版社. 2018.

Гао Чжи. (2018) Перевод романа «Война и мир». Ухань: Литературное Изд. Янцзы.

吴曙天. 翻译论. 上海: 上海光华书局. 1932.

У Шутянь. (1932) О переводе. Шанхай: Книжный магазин Шанхая Гуанхуа.

草婴译. 战争与和平. 上海: 上海翻译出版社. 1992.

Цао Ин. (1992) Перевод романа «Война и мир». Шанхай: Шанхайское переводческое изд.

钱钟书. 林纾的翻译. 北京: 商务印书馆. 1981.

Цянь Чжуншю. (1981) Перевод Линь Шу. Пекин: Коммерческая пресса. 张捷译. 战争与和平. 南京: 译林出版社. 2019.

Чжан Цзе. (2019) Перевод романа «Война и мир». Нанкин: Изд. Илинъ. 赫胥黎著, 严复译. 北京: 中国青年出版社. 2009.

Томас Генри Гексли, Янь Фу. (2009) Эволюционизм. Пекин: Китайское молодёжное издательство.

Reference

Barkhudarov L.S. (2007) *Yazyk i perevod: Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda* = Language and translation: Issues of general and particular theory of translation. Moscow: Izd. LKI (In Russian).

Fedorov A. V. (1983) *Osnovy obshchej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)* = Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems). Moscow: Izd. "Vysshaya shkola" (In Russian).

Smirnov A.A. (1934) *Metodika literaturnogo perevoda* = Methods of literary translation. *Literaturnaya enciklopediya*. Vol. 8 (In Russian).

Tolstoy L.N. (2012) *Vojna i mir* = War and Peace. Vol. 1 and 4. Moscow: Izd. Planeta (In Russian).

Tyulenev S.V. (2004) *Teoriya perevoda* = Theory of translation. Moscow: Gardariki (In Russian).

草婴译. 战争与和平. 上海: 上海翻译出版社. 1992.

Cao Ying. (1992) Translation of the novel "War and Peace". Shanghai: Shanghai Translation Publishing House. (In Chinese).

- 高植译. 战争与和平. 武汉: 长江文艺出版社. 2018.
Gao Zhi. (2018) Translation of the novel “War and Peace”. Wuhan: Yangtze Literary Publishing House (In Chinese).
- 钱钟书. 林纾的翻译. 北京: 商务印书馆. 1981.
Qian Zhongshu. (1979) Translated by Lin Shu. Beijing: Commercial Press. (In Chinese).
- 吴曙天. 翻译论. 上海: 上海光华书局. 1932.
Wu Shutian. (1932) About the transfer. Shanghai: Shanghai Guanghua Bookstore. (In Chinese)
- 赫胥黎著, 严复译. 北京: 中国青年出版社. 2009.
Thomas Henry Huxley, Yan Fu. (2009) Evolutionism. Beijing: Chinese Youth Publishing House. (In Chinese).
- 张捷译. 战争与和平. 南京: 译林出版社. 2019.
Zhang Jie. (2019) Translation of the novel “War and Peace”. Nanjing: Ed. Yilin. (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Чэнь Чжу — преподаватель Факультета русского языка Института иностранных языков Педагогического университета Центрального Китая, № 152, Лою-роуд, район Хуншань, город Ухань, провинция Хубэй, КНР; rainie0918@vip.qq.com

ABOUT THE AUTHOR:

Chen Zhu — Lecturer at the Russian Language Faculty, Institute of Foreign Languages, Central China Normal University, No. 152, Luoyu Road, Hongshan District, Wuhan City, Hubei Province, China; rainie0918@vip.qq.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-58-77

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Диляра Кутдусовна Давлетшина
Марина Евгеньевна Коровкина

Московский государственный институт международных отношений
(Университет), г. Москва (Россия)

Для контактов: mekorovkina@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется когнитивная природа интерпретации смысла в переводе и роль переводчика-интерпретатора, который выявляет смыслы, заложенные отправителем сообщения исходного языка (ИЯ), и передаёт их на язык перевода (ЯП). Цель статьи заключается в рассмотрении взаимодействия компетентностного и интерпретационного факторов перевода. Задачи исследования сводятся к выявлению лингвистических и экстралингвистических факторов, вызывающих необходимость интерпретации смысла, и к демонстрации специфики подхода к интерпретации при переводе текстов специальной коммуникации. Результаты исследования показывают, что переводчик способен выполнять свои профессиональные задачи при условии овладения им на профессиональном уровне основными переводческими компетенциями — коммуникативной, экстралингвистической и специальной, позволяющими ему использовать основной когнитивный механизм перевода, а именно инферирование, составляющее основу интерпретации смысла в переводе. При осмыслении и понимании сообщения на ИЯ переводчик направляется от референции к смыслу и прибегает к смысловым выводам-инференциям. При ревербализации смысла на ЯП в направлении интерпретации от смысла к референции переводчик порождает смысловые выводы-импликатуры, адресованные получателю сообщения на ЯП. Смысловые выводы основаны на общности пресуппозиционных знаний отправителя со-

© Давлетшина Д.К., Коровкина М.Е., 2023

общения, его получателя и переводчика, который при этом осуществляет их некоторую аппроксимацию. В статье также представлена типология основных переводческих трудностей, обуславливаемых межъязыковыми асимметриями и приводящих к необходимости интерпретировать смысл сообщения на ИЯ и формулировать его лингвоспецифичными средствами на ЯП. Данные трудности проиллюстрированы интересными примерами из текстов специальной коммуникации, при переводе которых требуется особая точность передачи смысла, которая часто понимается начинающими переводчиками как необходимость сохранения формы выражения на ЯП, что приводит к буквализмам. Осознание роли интерпретации в переводе текстов специальной коммуникации способствует соблюдению норм стиля и узуса ЯП.

Ключевые слова: перевод, интерпретация, межъязыковые асимметрии, профессиональные компетенции переводчика, тексты ЯСЦ, инферование, пресуппозиция, инференция, имплицатура

Для цитирования: Давлетшина Д.К., Коровкина М.Е. К проблеме интерпретации в переводе текстов специальной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 2. С. 58–77. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-58-77

Статья поступила в редакцию 12.04.2023;
одобрена после рецензирования 25.09.2023;
принята к публикации 29.09.2023.

INTERPRETATION REVISITED: ITS IMPACT ON LSP-TRANSLATION

Dilyara K. Davletshina
Marina Ye. Korovkina

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow (Russia)
For contacts: mekorovkina@gmail.com

Abstract. The article explores the cognitive nature of sense interpretation in translation and the role of translator/interpreter who reveals the sense meant by the sender of the source language (SL) message and conveys it in the target language (TL). The objective of the article is to study the interaction of competence and interpretation factors in translation. The tasks closely related to the objective are as follows: to identify linguistic and extralinguistic factors that bring about the need for interpreting the sense in the SL, to show the specifics of interpreta-

tion in the LSP-texts and to present the typology of translation difficulties that can be coped with by sense interpretation. The findings of the research have shown that the translator is capable of performing his/her professional tasks only if he/she has a mastery of professional translator competences — the communicative, extralinguistic and specialized ones that enable him/her to resort to the key cognitive mechanism of translation — inferencing — that serves as a basis for interpreting sense in translation. While grasping the meaning of the SL message, the translator moves from the reference to sense and derives inferences. When reverbalingizing the sense in the target language in moving from the sense to reference, the translator generates implicatures targeted at the TL message recipient. Inferences and implicatures are based on the common presuppositional knowledge of the SL message sender, TL message recipient and the translator who has to perform the approximation or interactive alignment of this knowledge. The interactive alignment is possible if the translator is well-versed in the knowledge of presuppositions in the language and conceptual word view of both the source and target languages. There are two types of presuppositional knowledge: that of language structures related to interlanguage asymmetries, including discursive features of the text cohesion and coherence that are also linguo-specific and referents (that connect language to extralinguistic situations), and that related to the extralinguistic situation (encyclopedic information about the world around us, culture and specific domains of knowledge and respectively translation). The article also presents the typology of the key translation difficulties caused by the inter-language asymmetries, which result in the need to interpret the sense in the SL message and to formulate IT in the TL using its linguo-specific means. These translation difficulties are illustrated with interesting examples from the LSP-texts that need a special precision in translation quite frequently understood by any beginner translator as the need to preserve the expression form in the TL, which leads to word-for-word translation or transcoding. The understanding of the role of interpretation in translation of LSP-texts helps to observe the norms of TL style and usage while at the same time it makes it possible to render the meaning and sense of the SL as was meant by the message sender.

Keywords: translation, interpretation, interlanguage asymmetries, professional translator/interpreter competences, LSP-texts, inferencing, presupposition, inference, implicature

For citation: *Davletshina D.K., Korovkina M.Ye. (2023) Interpretation revisited: its impact on LSP-translation. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 58–77. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-58-77*

The article was submitted on April 12, 2023;
approved after reviewing on September 25, 2023;
accepted for publication on September 29, 2023.

Введение

Сложная когнитивная природа перевода обуславливает междисциплинарный характер его исследований. По вполне очевидной причине первые исследования в этой области проводились языковедами и лингвистами: инструментами и материалом перевода выступают исходный язык (ИЯ) и язык перевода (ЯП), поэтому внимание исследователей привлекли прежде всего языковые структуры. Но даже в рамках лингвистических исследований перевода исследователям было понятно, что для качественного перевода, адекватно передающего смысл текста ИЯ, требуются знания не только языковых структур. Это понимание отражается в актуальных до сих пор моделях перевода, построенных в рамках лингвистической парадигмы, например, в теории эквивалентных соответствий Я.И. Рецкера (Рецкер, 2004), многоуровневой модели эквивалентности В.Н. Комиссарова (Комиссаров, 2002), а также семиотической модели А.Д. Швейцера (Швейцер, 1988) и коммуникативно-деятельностной психолингвистической модели Г.В. Чернова (Чернов, 1987), ознаменовавших начало развития коммуникативно-деятельностной парадигмы в переводе. Кроме того, в рамках лингвистики было предпринято изучение перевода как процесса и результата. Параллельно с лингвистическими исследованиями развивалась интерпретативная концепция перевода, основоположником которой в отечественном языкознании является А.Н. Крюков (Крюков, 1988), освещающая с позиции семиотики роль интерпретации смысла в переводе.

В настоящее время происходит сближение этих двух подходов: развитие теории перевода протекает в русле когнитивно-коммуникативной парадигмы, что подразумевает введение в фокус изучения затекстовой внеязыковой действительности, коммуникативной ситуации и личностей участников коммуникации. А последователи школы интерпретации и герменевтики в практической деятельности не могут не прибегать к анализу текста ИЯ и ЯП, используя при этом лингвистические инструменты. И именно уровень владения данными инструментами в значительной, хотя и не в абсолютной степени, определяет качество перевода. В вышедшей в 2020 году монографии «Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении» Э.Н. Мишкурова и М.Г. Новиковой (Мишкур, Новикова, 2020) подводится своеобразный итог теоретических исследований в этой области, даётся всеобъемлющая характеристика современного состояния науки о переводе и объявляется герменевтический поворот в современной теории и методо-

логии перевода. В данном исследовании также делается попытка привести к единому знаменателю терминологию данной отрасли знания, отражающую разнообразие теоретических подходов к этому сложному когнитивному явлению.

В настоящей работе продолжается обсуждение данных тем, остающихся актуальными для теории перевода. Объектом исследования является перевод. Предмет исследования состоит в изучении когнитивной природы интерпретации смысла в переводе и роль переводчика-интерпретатора, способного осуществлять смысловые выводы на основе своих профессиональных компетенций. Цель исследования заключается в анализе взаимодействия компетентностного и интерпретационного факторов перевода и описании когнитивных механизмов, к которым прибегает переводчик в процессе интерпретации смысла текста исходного языка (ИЯ) и его передачи в тексте языка перевода (ЯП). Задачи исследования тесно связаны с его целью: 1) выявить лингвистические и экстралингвистические факторы, приводящие к необходимости интерпретации смысла текста ИЯ; 2) представить типологию переводческих трудностей, вызывающих необходимость интерпретации смысла; 3) показать специфику подхода к интерпретации при переводе текстов специальной коммуникации. Методы исследования — сравнительно-сопоставительный, метод переводческого моделирования и метод интроспекции. Материалом послужили примеры переводческих трудностей из специальных текстов политического дискурса, выполненных авторами данной работы в дидактических целях.

Проблема — компетентностный фактор и когнитивные механизмы интерпретации в переводе

Центральная роль в процессе перевода принадлежит переводчику, его личности. Для обозначения данного понятия И.И. Халеевой (Халеева, 1989) был предложен термин «вторичная языковая личность», который в теории перевода, судя по всему, так и не был принят. Например, в уже упомянутой монографии Э.Н. Мишкурова и М.Г. Новиковой этот термин отвергается в связи с его пейоративной окраской и нечёткостью понятия, с чем трудно не согласиться (Мишкуров, Новикова, 2020: 72–76). Тем не менее сама теория языковой личности продолжает развиваться в рамках когнитивной лингвистики, теории дискурса и других направлений исследований, характеризующихся антропоцентричностью методологических подходов. Уровень развития языковой лично-

сти переводчика измеряется его профессиональным мастерством, т.е. «профессиональной компетентностью», основывающейся на определённом наборе знаний, умений и навыков, или наборе компетенций. В лингводидактике и методике преподавания перевода разработан ряд моделей профессиональных компетенций переводчика. Например, модель М.Е. Коровкиной состоит из трёх блоков (Коровкина, 2017: 66–70). Первый блок представляет коммуникативную компетенцию, включающую знания языковых структур и умения пользоваться ими в речи, с учётом узкого лингвистического контекста (то есть их употребления в конкретном контексте), а также широких прагматических факторов, таких как коммуникативная ситуация, её участники (автор-отправитель сообщения, адресат-получатель и переводчик, выполняющий роль и получателя, и отправителя сообщения), дейксис, тематика, в которой отражается соотношение языковых структур текста с описываемым им отрезком внеязыковой действительности. Знания широкого прагматического контекста — энциклопедические знания о мире, культуры и специальных областей — представляют собой экстралингвистическую компетенцию переводчика, тесно связанную с коммуникативной компетенцией. Третья специальная компетенция объединяет когнитивные механизмы обработки информации, такие как инферирование, сопряжённое с интерпретацией, а также чисто технологические переводческие умения. Если речь идёт об устном переводе, особенно о синхронном, важную роль также

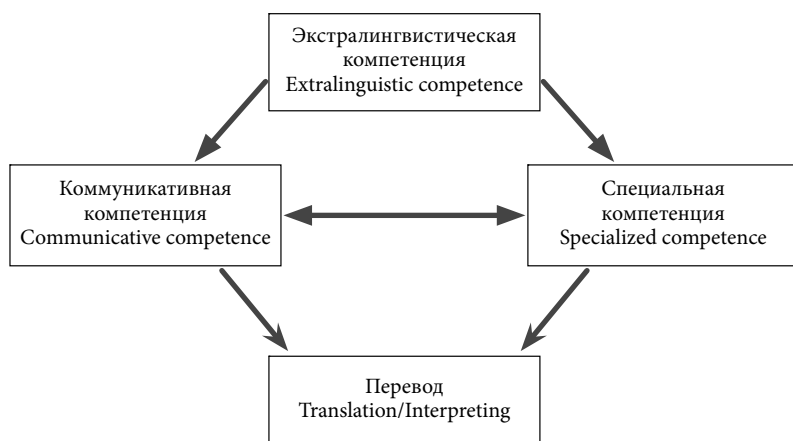

Рис. 1. Универсальная модель профессиональных компетенций переводчика

играет механизм вероятностного прогнозирования. В письменном переводе в связи с развитием машинного перевода важны умения работы с программами машинного перевода, постредактирования, поиска информации и использования её источников (что также необходимо и при подготовке по теме устного перевода). Три блока компетенций тесно связаны между собой, постоянно взаимодействуя в процессе перевода (рис. 1).

Переводчик, осмысляя текст ИЯ на основе коммуникативной компетенции, взаимодействующей с экстралингвистической и специальной, порождает текст ЯП, используя когнитивные умения и навыки специальной компетенции. В связи с этим представляется логичным описать этапы переводческого процесса. В теории перевода принято выделять три этапа — понимание отрезка текста ИЯ, принятие переводческого решения и переформулирование смысла на ЯП. При этом используются разные обозначения второго этапа. Так, И.А. Зимняя называет его «переформулированием содержания, переключением на другой языковой код» (Зимняя, 1978: 43–45), М. Ледерер — поиском переводческих решений и ревербализацией смысла (Lederer, 2014: 35–38). А.Ф. Ширяев, указывая три стадии процесса синхронного перевода, второй этап называет поиском переводческих решений (Ширяев, 1979: 101), а Д. Селескович — «удержанием в памяти ментальной репрезентации смысла сообщения» (перевод наш. — *Д.Д. и М.К.*) (Seleskovitch, 1998: 8). Некоторые исследователи выделяют только две его стадии — понимание смысла ИЯ и его переформулирование на ЯП (Gile, 2009: 101–104), рецепция и продукция, в свою очередь состоящие из четырёх процедур — предпонимания, понимания, интерпретации и принятия переводческого решения (Мишкуров, Новикова, 2020: 221]. В данной четырёхфазной схеме процесса перевода подготовительная работа переводчика называется «предпониманием», которое приводит к более глубокому пониманию текста, а принятие переводческого решения завершает процесс порождения отрезка перевода. Метод интроспекции показывает, что вторая стадия трёхступенчатой модели — поиск переводческих решений — практически не имеет протяжённости во времени. Если речь идёт об устном переводе, переводческое решение принимается за доли секунды, и даже если оно не очень удачно, переводчик сразу же, после осмысления отрезка звучащего текста (или речи выступающего в определённый отрезок времени) или одновременно с его осмыслением в случае синхронного перевода приступает к реформулированию смысла в ЯП или его ревербализации; в то время как этап понимания, так же

как и его формулирование средствами ЯП, имеет протяжённость во времени. В письменном переводе ситуация другая, при неспособности прийти к нужному переводческому решению можно пропустить трудное место, и переводческое решение через некоторое время может быть найдено в результате озарения, то есть при помощи интуиции. Тем не менее, интуитивное принятие хороших переводческих решений возможно только при профессиональном уровне развития переводческих компетенций. Графически процесс перевода можно представить в виде следующей схемы (рис. 2).

Рассмотрим теоретические предпосылки и основания принятия переводческого решения, то есть наилучшего или, используя термины теории перевода, адекватного способа передачи конкретного смысла текста ИЯ в тексте ЯП. В нашем понимании термин «адекватный» означает соответствующий по смыслу (а «эквивалентный» — не только по смыслу, но и по форме) (Иванов, 2015: 54).

Руководствуясь методом экономии усилий и пытаясь решить задачу эквивалентности перевода, переводчик на этапе восприятия-понимания осмысливает отрезок, подлежащий переводу, чтобы оценить, насколько возможно сохранение структурных особенностей текста ИЯ в ЯП при передаче смысла, заложенного в тексте ИЯ. При совпадениях или возможности перевода с минимальными расхождениями в языковых структурах ИЯ и ЯП используются эквивалентные соответствия. Но такая ситуация возможна далеко не всегда. В лингвистической теории перевода было представлено несколько моделей эквивалентности, например, В.Н. Комиссарова (Комиссаров, 2002: 120–134), А.Д. Швейцера (Швейцер, 2002: 86–87), Е.В. Бреуса (Бреус, 2007: 31–77, 116–122, 137–138), в которых было продемонстрировано, в каких случаях переводчик вынужден

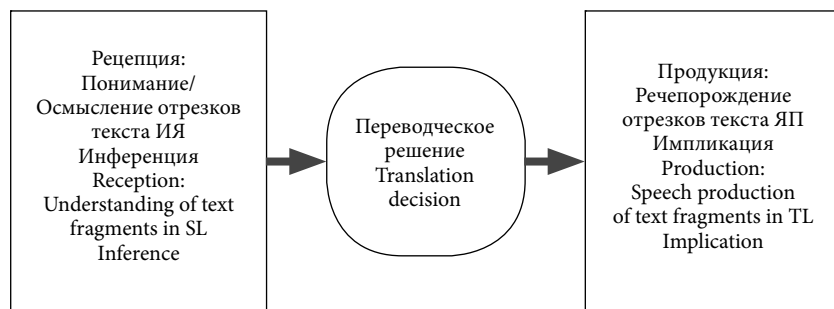

Рис. 2. Этапы переводческого процесса

отступать от заданного структурного своеобразия текста ИЯ и выражать тот же смысл лингвоспецифичными средствами ЯП, прибегая к переводческим приёмам, называемым в теории перевода переводческими трансформациями. Данные модели эквивалентности выявили нишу, в которых передача смысла в переводе невозможна без отхода от языковых структур текста ИЯ, фактически выводя из области эквивалентности прагматический уровень (Гарбовский, 2004: 301), в котором наиболее ярко проявляется интерпретация.

Результаты исследования

а) Интерпретация и интерактивное выравнивание

Интерпретация начинается уже с самого первого момента осмысления и понимания текста ИЯ и его отрезков, когда переводчик должен отличить языковой параллелизм от межъязыковых асимметрий, а также понять имплицитные смыслы, которые часто связаны с широким прагматическим контекстом и замыслом автора. Так, переводчик, являясь посредником в ситуации межкультурной коммуникации, должен понять смыслы, заложенные отправителем сообщения, на основе общности его собственных знаний и знаний отправителя сообщения. Для понимания заложенных смыслов переводчик прибегает к соответствующим инференциям. Затем эти смыслы ревербализируются на ЯП и адресуются в виде имплицатур получателю сообщения, также с учётом знаний последних. Получатели сообщения в свою очередь инферируют смысл полученного сообщения. Данный процесс выведения смысловых выводов в переводе мы предлагаем называть «инферированием» и считаем его основным когнитивным переводческим механизмом, представляющим собой суть перевода и переводческой интерпретации (Коровкина, Семенов, 2022), а также одним из ключевых умений, входящих в специальную компетенцию переводчика.

Н.В. Иванов выделяет два направления интерпретации: от референции к смыслу и от смысла к референции. По его мнению, первый вид характерен для диалога, когда «предъявляемый говорящим знак открыт собеседнику в своём смысловом аспекте» (Иванов, 2018: 81), второй повсеместно встречается в переводе. На наш взгляд, переводчик прибегает к интерпретации в обоих направлениях, когда, осмысливая отрезок текста ИЯ в качестве слушающего, он переходит от референции к смыслу текста ИЯ, используя инференции, а затем, переходя от смысла к референции, облекает понятый смысл в знаки ЯП, посылает своё сообщение слушающему в виде имплицатур.

Описанный выше механизм инферирования в переводе опирается на важный аспект осмысления текста. Э.Н. Мишкурлов и М.Г. Новикова предлагают назвать такое понимание текста и широкого прагматического контекста, основанного на герменевтическом круге, приводящем к более глубокому пониманию, «итеративной моделью» понимания (Мишкурлов, Новикова, 2020: 206).

Наблюдаемое в настоящее время конструирование нарративов в духе постмодернизма приводит к усилению субъективного начала и множественности интерпретации. Тем не менее У. Эко отмечает, что множественность интерпретации, зависящая от выбора читателя, ограничивается контекстом (Есо, 1994: 45, 50). Субъективный взгляд на передачу смысла текста ИЯ в тексте ЯП ограничивается пониманием контекста текста ИЯ в духе замысла автора текста и необходимостью передачи инварианта смысла, представляющего релевантную для данного контекста информацию. Следует отметить принципиальную возможность вариативности перевода при передаче определённого смысла, так же как и вариативности языковых номинаций, задающихся априори самой семиотической природой языка, языкового знака и перевода. При совпадении описания явлений внеязыковой действительности средствами ИЯ и ЯП трудностей в переводе не возникает и число вариантов снижается. Такие трудности возникают в случае межъязыковых асимметрий, т.е. несовпадений в языковых структурах (и концептуальных структурах знаний) при описании экстралингвистической ситуации и в случае передачи имплицитных смыслов, заложенных автором.

В случае наблюдения межъязыковых асимметрий переводчик должен осуществлять некое интерактивное выравнивание или аппроксимацию ментальных пространств или концептуальных картин мира отправителя и получателя сообщения. Термин «интерактивное выравнивание», заимствованный у С. Гаррода (Garrod & Pickering, 2004: 8), был введён в научный обиход применительно к переводу В.И. Заботкиной (Заботкина, 2020: 76). В свою очередь, Э.Н. Мишкурлов и М.Г. Новикова используют термин «аппроксимация» (Мишкурлов и Новикова, 2020: 187). Такая аппроксимация знаний отправителя и получателя сообщения осуществляется переводчиком на основе его собственного тезауруса, в котором важную часть занимают пресуппозиции — общие знания коммуникантов. Пресуппозиционные знания в широком смысле можно разделить на две большие группы: референциально-языковые, включающие языковые, связанные с лингвоспецифичными особенностями се-

мантики языка (имеем в виду семы или компоненты значения, сочетаемость и узус, то есть привычные или идиоматичные способы описания ситуации, а также связи в тексте) и референциальные, имеющие отношения к конкретному референту или денотату текста и служащие мостиком к экстралингвистическим пресуппозициям, представляющим собой широкий лингвистический контекст — знания о мире, культуры и конкретных специальных областей знаний. Именно на основе пресуппозиций переводчик способен делать смысловые выводы, то есть инферировать смысл текста ИЯ и имплицировать его в ЯП, справляясь с межъязыковыми асимметриями.

б) Типология переводческих трудностей

На основе анализа межъязыковых асимметрий нами была разработана типология переводческих трудностей и приёмов, применяемых для их разрешения, успешно применяемая в практике перевода и его преподавании:

1. Метафора. Например:

Both parties are seemingly consigned to become a footnote of modern history and the occasional doctoral thesis (курсив и выделение здесь и далее наше. — Д.Д. и М.К.). Если передавать значение метафор буквально, то перевод может выглядеть следующим образом: «Обеим партиям, судя по всему, в учебниках по современной истории суждено **стать примечанием**, но возможно, кто-то захочет написать о них диссертацию». Такой вариант не искажает смысл английской метафоры, она порождает схожие образы в сознании русскоязычного реципиента, поэтому этот вариант имеет право на существование. Если воспользоваться приёмом метонимии, то перевод может звучать так: «Обеим партиям, судя по всему, будет **отведено скромное (второстепенное) место** в книгах по современной истории, но возможно, кто-то всё-таки вспомнит об их роли».

2. Метонимия (в теории перевода представлена более дробная классификация данного когнитивного инструмента, представленная такими переводческими приёмами, как конкретизация, генерализация, антонимический перевод, конверсив и собственно метонимия в узком смысле понимания этого термина). Например:

The overall plan is inelegant. It has been cobbled together to appease the two opposing parties.... — **Общий план не отличался логичностью и стройностью. Он был составлен на скорую руку с целью примирения двух противоборствующих сторон.**

Английское прилагательное “elegant” подразумевает предмет «высшего класса», «первого сорта», «высокого качества». Характеризуя идеи, теории, планы, это прилагательное приобретает значение “clever, simple, attractive”, следовательно, “elegant plan” приобретает метонимическое значение при переводе «стройный, логичный план». В нашем примере мы встречаем антонимичное значение, поэтому адекватным переводом может быть «план, в котором отсутствовала логика», «который не был продуман и чётко сформулирован», «не отличался логичностью/согласованностью». Можно предположить, что этот план действий правительства «не представлял собой единого целого, не был стройным, был несовершенным, содержал противоречия», т.к. глагол “to be cobbled together” имеет негативное значение — «делать что-то на скорую руку, небрежно».

3. Имплицитные-эксплицитные конструкции:

Equal attention in the post-mortem focused on the reasons for the collapse in Labour support, especially in their North East Leave-voting, former mill-and-mining heartlands. — Такое же внимание *при анализе результатов выборов* уделялось *причинам резкого ослабления поддержки лейбористов, в особенности в регионах, которые в прошлом являлись центрами горнодобывающей и других отраслей промышленности на северо-востоке Англии, жители которых проголосовали за выход Великобритании из ЕС.* Латинский термин “post-mortem” используется метафорически и обозначает «разбор причин произошедшего, того, что было хорошо и плохо», сохранение образа в данной метафоре, очевидно, по стилистическим причинам невозможно. Аллегорическое значение данной метафоры заключается в том, что необходимо учиться на опыте прошлого, поэтому она часто употребляется в политической, технической сфере, в области бизнеса и экономики.

При переводе конструкции “mill-and-mining heartlands” необходимо применить приём экспликации: «индустриальные регионы» или «регионы с горнодобывающей промышленностью». Очевидно, что географическое указание “North East” также имеет определённое значение, т.к. на северо-востоке Англии традиционно находились депрессивные районы, в которых преобладала добывающая промышленность. Также необходимо обратить внимание на фразу “Leave-voting”, т.к. в связи с выходом страны из ЕС в английский язык вошло много неологизмов, требующих лингвокультурологического анализа при переводе. Этот пласт новообразований общественно-политического характера отражает раскол общества на

два лагеря: сторонники выхода (Leavers, Brexiteers) и противники выхода — (Remainers).

4. Передача логических связей в соответствии с нормами ЯП:

Mr. Levido was hired at a meeting in the Marylebone branch of Patisserie Valeir in July, having been approached by Mr Cummings the day Mr Johnson entered Downing Street. He agreed with one proviso... Для восстановления логических связей при переводе необходимо изменить порядок слов, а также применить приём экспликации: «Предложение Доминика Каммингса, политтехнолога избирательного штаба Бориса Джонсона, сделанное Айзаку Левидо о том, чтобы возглавить предвыборный штаб, последовало в первый же день, когда Б. Джонсон стал премьер-министром». Выражение “Downing Street”, как и многие топонимы, приобрело политический смысл и требует метонимического переноса в переводе. Английское предложение следует разделить на два в русском варианте, поменяв при переводе две части местами, чтобы не нарушить смысловую основу. Второе предложение также потребует синтаксической перестройки: «Окончательная договорённость была достигнута/ А по рукам ударили в июле в одном из лондонских кафе. Следует отметить, что для русскоязычной аудитории встреча в месте, обозначенном в оригинале как: “in the Marylebone branch of Patisserie Valeir”, скорее всего не имеет большого значения и не представляет интереса для понимания смысла в отличие от топонима Downing Street. В русском варианте достаточно будет перевести это как «кафе в центре Лондона». Другой вариант перевода не требует синтаксической трансформации, но переводчик также обязан произвести лексические замены для адекватной передачи логики изложения: «Айзак Левидо дал своё окончательное согласие на встрече, состоявшейся в июле в кафе в центре Лондона, хотя первые предложения к нему («зондирование почвы») стали поступать в первый же день, когда Б. Джонсон стал премьер-министром».

Перевод данных языковых структур особенно зависит от экстралингвистических знаний (энциклопедических знаний о мире, терминологии и реалий) переводчика. Переводчик должен выстраивать непротиворечивые логические связи в самом тексте и между текстом и внеязыковой действительностью. В случае возникновения противоречия можно с уверенностью утверждать, что речь идёт о смысловой ошибке (в пресуппозиционных знаниях) — или автора, или, скорее всего, переводчика. Кроме того, в нашей типологии мы выделили в качестве отдельного пункта передачу им-

плицитного смысла и соотношение имплицитных-эксплицитных конструкций в ИЯ и ЯП. На самом деле к экспликации или имплицитности переводчик вынужден прибегать и при переводе метафор, метонимий (при использовании метонимического переноса), и при передаче логических связей, так как в данном случае наиболее ярко проявляется необходимость аппроксимации пресуппозиционных знаний отправителя сообщения на ИЯ и его получателя на ЯП (см. пример 3, передача метафоры *in the post-mortem* метонимией и экспликацией).

с) Специфика интерпретации в текстах специальной коммуникации

Представленные нами примеры взяты из текстов специальной коммуникации (или языка для специальных целей — ЯСЦ): публицистических текстов политического дискурса, которые, как и любые тексты, принадлежащие к специальной области знаний, характеризуются особыми требованиями к точности перевода. Существуют разные, представляющие интерес подходы к анализу специальной коммуникации и ЯСЦ с точки зрения разных направлений исследований — терминоведения, функциональной стилистики, лингвистики текста, дискурс-анализа и теории языковой личности. Вслед за А.А. Майбородой, мы рассматриваем ЯСЦ как «социально обусловленный ситуативный вариант компетенции языковой личности, направленной на решение профессиональных задач в рамках соответствующего институционального дискурса, использующий номенклатурно и конвенционально принятые языковые средства, но также отражающий индивидуальные особенности говорящего» (Майборода, 2006: 44–45). ЯСЦ обслуживает коммуникацию специалистов той или иной отрасли знания, и политический дискурс рассматривается нами как специальная область коммуникации. Тем не менее публицистические тексты политического дискурса рассчитаны также и на широкую публику, к ним предъявляются особо высокие требования в плане стилистической адекватности ЯП. В настоящее время наблюдается частое использование переводчиком фонетических или лексических калек, вместо интерпретации смысла текста ИЯ при его передаче в ЯП, что ведёт к несоблюдению нормы стиля и узуса ЯП. Например, широко используются в публицистике «иранская ядерная сделка» вместо «соглашение о ядерной программе Ирана» (*Iranian nuclear deal*), появляются такие уродливые образования как «коалиция желающих» (*the coalition of*

the willing). В основном такую точность в ущерб стилистическим нормам преследуют при переводе терминологической, специальной и прецизионной лексики. Использование интерпретации при передаче смысла позволяет достичь баланса между соблюдением верности тексту на ИЯ и стилистических норм ЯП.

Дискуссия

В теории перевода, развивающейся в настоящее время в коммуникативно-когнитивной или деятельностной парадигме, уделяется должное внимание интерпретационным факторам в переводе. В связи с междисциплинарным подходом к исследованиям наблюдается большой разноречивостью в терминологии. Хотелось бы в этой области достичь понимания. Выше говорилось о том, что, возможно, следует вывести из научного обихода такие термины, как «переводящий язык» и «вторичная языковая личность», и вместо них использовать термин «язык перевода» (ЯП), «(языковая) личность переводчика», «профессиональные переводческие компетенции». При этом ввести новые, например, термин «инферирование», используемый для обозначения такого когнитивного механизма перевода, как выведение смысловых выводов переводчиком, инферирующим смысловой посыл говорящего на ИЯ и имплицитующим его на ЯП, что совпадает с двумя направлениями интерпретации — от референции к смыслу и от смысла к референции. Термин «интерпретация» используется в семиотике, в философии языка и по объёму понятия шире, чем инферирование. Также предметом дискуссии стали пока ещё не устоявшиеся термины «интерактивное выравнивание» или «аппроксимация» ментальных пространств или пресуппозиционных знаний говорящего и слушающего, осуществляемая переводчиком, выступающим одновременно в роли и говорящего и слушающего, которые с большей точностью описывают когнитивный характер интерпретации. Кроме того, в работе был только намечен анализ особенностей проявления компетентностного и интерпретационного фактора в переводе текстов специальной коммуникации. Данная тема требует дальнейшего развития.

Выводы

В данной работе мы сделали попытку охарактеризовать роль интерпретации в переводе текстов ЯСЦ. Интерпретация в художественных типах текста была давно признана в теории перевода, что объяснялось большим расхождением в стилистических и культурологических особенностях литературных произведений

ИЯ и ЯП. Результаты нашего исследования показывают, что использование интерпретации не зависит от типов и стилей текстов, так как она изначально, по своей когнитивной природе, присуща переводу. Переводчик вынужден прибегать к ней из-за межъязыковых асимметрий ИЯ и ЯП и несовпадений в обозначениях явлений внеязыковой действительности двух языков. На основе своих пресуппозиционных знаний референциально-языкового и экстралингвистического характера при помощи когнитивного механизма инферирования он интерпретирует смысл текста ИЯ при его передаче в ЯП, осуществляя аппроксимацию или интерактивное выравнивание знаний отправителя сообщения и его получателя. Необходимо делать упор на интерпретационном факторе в преподавании перевода, особенно текстов ЯСЦ, потому что начинающие переводчики при переводе таких текстов, требующих повышенной точности, склонны к буквализмам и излишнему использованию фонетических и лексических калек, противоречащих нормам стиля и узуса ЯП. Переводчик, обладая необходимыми профессиональными компетенциями и основываясь на своём тезаурусе, включающем пресуппозиционные знания, интерпретирует смысл текста ИЯ и воссоздаёт его в тексте ЯП, используя выразительные средства языка перевода, что было продемонстрировано практическими примерами перевода.

Список литературы

- Бреус Е.В.* Теория и практика перевода с английского языка на русский: учебное пособие. М.: Р. Валент, 2007. 320 с.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
- Заботкина В.И.* Когнитивные механизмы межкультурного диалога // Когнитивные исследования языка. М., 2020. № 2 (41). С. 76–80.
- Зимняя И.А.* Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1978. 160 с.
- Иванов Н.В.* Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) // Вестник МГУ. Серия 22 «Теория перевода». М., 2015. № 4. С. 34–65.
- Иванов Н.В.* Интерпретация в знаковой онтологии языка и в переводе. М.: ИД «Международные отношения», 2018. 152 с.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.
- Коровкина М.Е.* Теоретические аспекты смыслового моделирования специального перевода с родного языка на иностранный (на материале публицистических текстов экономической тематики): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Марина Евгеньевна Коровкина. М., 2017. 241 с.

Коровкина М.Е., Семенов А.Л. Инферирование и функциональный подход к тексту: на материале синхронного перевода. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 337–352.

Крюков А.Н. Методологические основы интерпретативной концепции перевода: дис... д-ра фил. наук.: 10.02.20 / Анатолий Николаевич Крюков. М., 1988. 442 с.

Майборода А.А. О содержании понятия «язык для специальных целей» в свете теории языковой личности // Современное переводоведение: матер. XXXV Междунар. филол. конф. СПб.: Филол. факультет СПбУ, 2006. С. 38–45.

Мишуров Э.Н., Новикова М.Г. Теория и методология перевода в когнитивном-герменевтическом освещении. М.: Флинта, 2020. 298 с.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2004. 240 с.

Халева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М.: Высшая школа, 1989. 238 с.

Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. М.: Высшая школа, 1987. 256 с.

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 216 с.

Ширяев А.Ф. Синхронный перевод. М.: Изд-во Мин. обор. СССР, 1979. 184 с.

Eco H. *The Limits of Interpretation*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1994. 296 p.

Garrod S. & Pickering M. (2004) Why is conversation so easy? *TRENDS in Cognitive Sciences*. Vol. 8. No. 1, pp. 8–11. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2003.10.016>

Gile D. (2009) *Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. 286 p.

Lederer M. (2014) *Translation. The Interpretative Model*. New York. 239 p.

Seleskovitch D. (1998) *Interpreting for International Conferences*. Washington: Pen and Booth. 138 p.

References

Breus E. V. (2007) *Teoriya i praktika perevoda s angliiskogo yazyka na russkii: uchebnoe posobie = Theory and Practice of Translation from English into Russia: textbook*. Moscow: R. Valent. 320 p. (In Russian).

Chernov G. V. (1987) *Osnovy sinkhronnogo perevoda = The Fundamentals of Simultaneous Interpretation*. Moscow: Vysshaya shkola. 256 p. (In Russian).

Eco H. (1994) *The Limits of Interpretation*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press. 296 p.

Garbovskii N. K. (2004) *Teoriya perevoda = Theory of Translation*. Moscow: MGU, 2004. 544 p. (In Russian).

Garrod S. & Pickering M. (2004) Why is Conversation so Easy? Trends in Cognitive Sciences. Vol. 8 No. 1, pp. 8–11. <https://doi.org/10.1016/j.tics.2003.10.016>

Gile D. (2009) Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 278 p.

Ivanov N.V. (2014) Antinomii interpretatsii: nachala analiza. Yazyk kak sistemnaya realnost v sotziokulturnom i kommunikanivnom izmereniyakh = Antinomies of Interpretation: the First Steps of Analysis. Language as Systemic Reality of Sociocultural and Communicative Dimensions. Materialy VIII mezhd. nauch. konf. po aktualnym problemam teorii yazyka i kommunikatsii (June, 27, 2014, Moscow). Moscow: Mezhdunarodnyie otnosheniya, pp. 110–135 (In Russian).

Ivanov N.V. (2018) Interpretatsiya v znakovoi ontologii yazyka i v perevode = Interpretation in the Semiotic Ontology of Language and Interpretation. Moscow: ID “Mezhdunarodnyie otnosheniya”. 152 p. (In Russian).

Khaleeva I.I. (1989) Osnovy teorii obucheniya ponimaniyu inoyazychnoy rechi = Theoretic Fundamentals of Teaching Understanding Foreign Language/Speech. Moscow: Vyschaya Shkola. 238 p.

Komissarov V.N. (2002) Sovremennoe perevodovedenie = Modern Translation Studies. Moscow: EHTS. 424 p. (In Russian).

Korovkina M.E. (2017) Teoreticheskie aspekty smyslovogo modelirovaniya spetsial'nogo perevoda s rodnogo yazyka na inostrannyi (na materiale publitsisticheskikh tekstov ehkonomicheskoi tematiki): diss. ... kand. filol. nauk = Theoretic Aspects of Sense Modelling in LSP-Translation from Mother Tongue into Foreign Language (on the Basis of Journalistic Texts of Economic Discourse): thesis of cand. of sciences (Philology)]. Moscow. 241 p. (In Russian) (thesis).

Korovkina M.E., Semenov A.L. (2022) Inferirovanie i funktsional'nyi podkhod k tekstu: na materiale sinkhronnogo perevoda = Inferencing and Functional Approach to Text: Based on Simultaneous Interpreting. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika.* V. 13. No. 2, pp. 337–352. (In Russian).

Kriukov A.N. (1988) Metodologicheskiye osnovy interpretativnoy kontseptzii perevoda = Methodological Basis of the Interpretative Concept of Translation: diss. ... d-ra fil. nauk. Moscow. 442 p. (In Russian) (thesis).

Lederer M. (2014) Translation. The Interpretative Model. New York. 239 p.

Maiboroda A.A. (2006) O sodержanii ponyatiya “yazyk dlya spetsial'nykh tselei” v svete teorii yazykovoi lichnosti = On the Notion of Language for Special Purposes from the Perspective of Language Personality Theory // *Sovremennoe perevodovedenie: mater. XXXV mezhdunar. filol. konf.* SPb: Philol. fakultet SPbU = The Current Status of Translation Theory: the proceedings of the XXXV internat. philologic. Conf. SPb: Philological Department of SPbU. P. 38–45.

Mishkurov E.H.N., Novikova M.G. (2020) Teoriya i metodologiya perevoda v kognitivnom-germenevticheskom osveshchenii = Cognitive-Hermeneutic Approach to Translation Theory and Methodology. Moscow: Flinta. 298 p. (In Russian).

Retsker YA.I. (2004) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika* = Translation Theory and Practice. Moscow: R. Valent. 240 p. (In Russian).

Seleskovitch D. (1998) *Interpreting for International Conferences*. Washington: Pen and Booth. 138 p.

Shiryayev A.F. (1979) *Sinkhronniy Perevod* = Simultaneous Interpretation. Moscow: Publishing House of the Defense Ministry. 184 p. (In Russian).

Shveitser A.D. (1988) *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* = Translation Theory: its Status, Problems, Aspects. Moscow: Nauka. 216 p. (In Russian).

Zabotkina V.I. (2020) *Kognitivnye mekhanizmy mezhkul'turnogo dialoga* = Cognitive Mechanisms of Intercultural Dialogue. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Moscow. No. 2 (41), pp. 76–80. (In Russian).

Zimnaya I.A. (1978) *Psihologicheskiye aspekty obucheniya govoreniyu na inostrannom iazyke* *Psychological Aspects of Teaching the Skill of Speaking Foreign Language*. M.: Prosvescheniye. 160 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Давлетишина Диляра Кутдусовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры английского языка № 1, МГИМО-Университет (Московский государственный институт международных отношений), 119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76; dilyara4mail@gmail.com, +7 (915) 495 85 25. РИНЦ: 307460, ORCID: 0000-0001-9183-7284, SPIN-code: 6403-9587. *Сфера научных интересов*: проблемы перевода, в том числе проблемы интерференции, когнитивная лингвистика, общественно-политические реалии, межкультурная коммуникация (русский, английский, немецкий).

Коровкина Марина Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1, МГИМО-Университет (Московский государственный институт международных отношений), 119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76; mekorovkina@gmail.com; +7 (916) 682 46 61. РИНЦ: 899367, ORCID: 0000-0002-7423-0541, SPIN-code: 9873-4733, Scopus: 57216935508. *Сфера научных интересов*: проблемы перевода, в том числе синхронного, в частности, моделирование смысла, компаративистика, когнитивная лингвистика, межкультурная коммуникация (русский, английский, испанский).

ABOUT THE AUTHORS:

Dilyara K. Davletshina — Cand. Sc. (History), Associate Professor at the English Language Department № 1, MGIMO-University (Moscow State Institute of International Relations), 76, pr. Vernadskogo, Moscow 119454, Russia; dilyara4mail@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9183-7284, SPIN-code: 6403-9587. *Research interests*: problems of translation, including the phenomenon of interference, cognitive linguistics, cultural-political studies, intercultural communication (Russian, English, German).

Marina Ye. Korovkina — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the English Language Department No. 1, MGIMO-University (Moscow State Institute of International Relations), 76, pr. Vernadskogo, Moscow 119454, Russia; mekorovkina@gmail.com, ORCID: 0000-0002-7423-0541, SPIN-code: 9873-4733, Scopus: 57216935508. *Research interests:* problems of translation, including simultaneous interpreting, in particular, modeling of meaning, comparative studies, cognitive linguistics, intercultural communication (Russian, English, Spanish).

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

ПЕРЕВОД И ЛОКАЛИЗАЦИЯ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-78-94

ЛЕКСИКО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ДУБЛИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА МЕДИЦИНСКОЙ ТЕМАТИКИ «ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: В УТРОБЕ МАТЕРИ. БЛИЗНЕЦЫ»)

Яна Андреевна Левкович¹

Екатерина Алексеевна Филатова²

¹ Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

² Национальный исследовательский университет «МЭИ», г. Москва, Россия

Для контактов: ekafiletova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию перевода аудиовизуальных текстов документальных фильмов медицинской тематики и, в частности, выявлению и анализу лексико-терминологических трудностей при дублированном переводе. К основным сложностям перевода документальных фильмов о медицине относится передача лексико-терминологического содержания, поскольку такие фильмы включают большой объем терминов и специальных понятий. Цель работы состоит в выявлении закономерностей перевода специальной лексики аудиовизуальных текстов документальных фильмов медицинской тематики и анализе переводческих стратегий, применяемых при передаче терминов и медицинской лексики. В ходе исследования рассматриваются жанрово-стилистические характеристики текстов документальных фильмов о медицине, а также для более глубокого анализа лексико-терминологических особенностей таких текстов проводится разграничение понятий «терминология» и «специальная медицинская лексика». Материалом исследования служит дублированный перевод документального фильма канала National Geographic “In the Womb: Identical Twins”. В работе применяются сравнитель-

© Левкович Я.А., Филатова Е.А., 2023

но-сопоставительный метод и метод статистического анализа. На основе сопоставления оригинального аудиовизуального текста документального фильма и его дублированного перевода на русский язык рассматриваются случаи возникновения трудностей при переводе специальной лексики документального фильма о медицине и способы их преодоления. Результаты исследования показывают, что выбор переводческих приёмов напрямую зависит от видеоряда документального фильма и специфических особенностей дублированного перевода. В заключение приводится статистика применения переводческих стратегий при передаче специальной медицинской лексики. Авторы приходят к выводам о причинах терминологических неточностей при переводе аудиовизуального текста документальных фильмов медицинской тематики на русский язык, которые заключаются в игнорировании контекста и нивелировании возможности использования видеоряда.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, документальный фильм, специальная медицинская лексика, термин, переводческие стратегии

Для цитирования: Левкович Я.А., Филатова Е.А. Лексико-терминологические трудности перевода аудиовизуальных текстов документальных фильмов (на материале дублированного перевода документального фильма медицинской тематики «Жизнь до рождения: В утробе матери. Близнецы») // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023 № 2. С. 78–94. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-78-94

Статья поступила в редакцию 19.05.2023;
одобрена после рецензирования 25.09.2023;
принята к публикации 29.09.2023.

LEXICAL AND TERMINOLOGICAL PROBLEMS OF MEDICAL DOCUMENTARY AUDIOVISUAL TEXT TRANSLATION: A CASE STUDY OF MEDICAL DOCUMENTARY “IN THE WOMB: IDENTICAL TWINS” DUBBING

Iana A. Levkovich¹

Ekaterina A. Filatova²

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

²National Research University MPEI, Moscow, Russia

For contacts: levkovichja@gmail.com

Abstract. The article dwells upon the study of medical documentary audiovisual texts translation. Some lexical and terminological problems of

© Levkovich I.A., Filatova E.A., 2023

dubbing are identified and analyzed. Terminology and medical lexis are integral parts of medical documentaries. Hence, the main problems concerning special language of medicine translation are thoroughly studied. The object of the research is to distinguish some typical translation patterns of terminology, medical lexis and analyze translation strategies applied in audiovisual texts. The article deals with genre and stylistic specific features of medical documentaries audiovisual texts. In order to conduct rigorous analysis the terms “terminology” and “special language of medicine” are differentiated. The case study is based on the dubbing of the medical documentary National Geographic “In the Womb: Identical Twins”. Such methods as comparative and contrastive; statistical analysis are applied to the research. Due to comparing the original audiovisual text of medical documentary and Russian dubbing, some peculiarities of translation are observed. Thus, some definite problems in special language of medicine translation documentaries are detected; the main solutions of the problems are revealed. The study involves determination of the most frequently used translation strategies in audiovisual translation of medical documentaries. The comparative analysis of original and dubbed texts reveals that (43%) of medical terms are directly transferred. The percentage of cases when calque translation strategy is used for medical lexis is 21. Only 5 % of all cases are translated incorrectly. The findings of the study reflect a strong dependence between translation strategies and documentary video. Based on the studied material the most common lexical and terminological problems in medical audiovisual texts translation are revealed. It is concluded that context and video should be taken into consideration in medical documentary translation. Further studies of the above mentioned issues may significantly contribute to theoretical and practical aspects of medical documentary audiovisual translation.

Keywords: audiovisual translation, documentary, special medical terminology, term, translation strategies

For citation: *Levkovich I.A., Filatova E.A. (2023) Lexical and terminological problems of medical documentary audiovisual text translation: a case study of medical documentary “In the Womb: Identical Twins” dubbing. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. P. 78–94. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-78-94*

The article was received on May 19, 2023;
approved after reviewing on September 25, 2023;
accepted for publication on September 29, 2023.

Введение

Основная цель документального фильма о медицине состоит в том, чтобы в доступной и понятной форме донести до зрителя научную информацию о сложных физиологических процессах. Неотъемлемым требованием выступают точность и достоверность предоставляемых фактов, что обуславливает использование большого объёма специальной лексики из разных областей медицинской науки — психологии, эмбриологии, физиологии, генетики и других. При переводе таких фильмов приблизительное толкование терминов и научных формулировок недопустимо, поскольку может исказить смысл сообщения и затруднить понимание фактической информации реципиентом. Поэтому переводчик должен хорошо разбираться в специфике терминологии и общенаучной лексики, учитывать контекст и узус её использования как в родном, так и в переводном языке.

Актуальность

Актуальность исследования обусловлена тем, что перевод аудиовизуальных текстов документальных фильмов о медицине требует профессионального подхода к переводу медицинской терминологии, тщательного анализа большого объёма специальной лексики и контекста её применения. Исследование особенностей перевода специальной медицинской лексики в документальном фильме даст возможность выявить переводческие приемы, позволяющие наиболее адекватно передать фактический материал фильма и при этом соблюсти основные нормы перевода аудиовизуального текста. Цель исследования состоит в определении закономерностей перевода специальной терминологии в документальных фильмах медицинской тематики на примере фильма “In The Womb: Identical Twins” канала National Geographic и его перевода на русский язык «Жизнь до рождения: в утробе матери. Близнецы», выполненного студией «АРК ТВ».

Обзор литературы

При переводе документальных фильмов важную роль выполняют его жанрово-стилистические характеристики. Текст документального фильма о медицине является контаминацией текста научно-популярного функционального стиля и аудиовизуального текста. Последний представляет собой особый вид текста, обладающего специфическими чертами. Катарина Райс выделяет аудио-медиаальный текст в отдельный тип текста, который является симби-

озом языковых и неязыковых средств: графических, акустических и оптических форм выражения (Райс, 1978: 211). Такое понимание аудиовизуального текста предполагает ряд ограничений, с которыми сталкивается переводчик в процессе выполнения перевода. Поскольку в нашем исследовании мы анализируем аудиовизуальный текст документального фильма о медицине, нам представляется уместным выяснить, какими чертами научно-популярного стиля он обладает.

М.Н. Кожина предлагает определять научно-популярный подстиль в качестве конкретной стилистико-речевой разновидности научного функционального стиля (Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2011: 147). Специфической задачей научно-популярного подстиля выступает передача «специальной научной информации на язык неспециального знания, а именно — задач популяризации научных знаний для широкой аудитории». При этом научно-популярный текст сохраняет основные особенности, характерные для научного стиля. Прежде всего, к ним относится присутствие общенаучной лексики и терминов. Автор научно-популярного текста ориентирован на особый тип читателя, неспециалиста, и опускает часть терминологических данных, «логических доказательств и аргументации, поскольку старается сделать текст и доступным, и увлекательным» (Там же: 238). Кожина отмечает, что научно-популярному произведению свойственны особые приемы введения терминов с помощью краткой расшифровки значения, сносок и разных образных средств. Однако, если речь идет про аудиовизуальный перевод, то совершенно очевидным является следующее положение: при переводе аудиовизуального продукта у переводчика нет возможности дать сноску или расшифровку термина, поскольку звучащие фразы должны укладываться в хронометраж, любое увеличение длительности звучания реплики может привести к нарушению синхронизации аудио- и видеодорожек, что недопустимо.

Понятие специальной лексики

Основные проблемы перевода медицинских текстов, по мнению ряда исследователей, относятся к лексическо-терминологическим трудностям (И.В. Тележко, Е.В. Павлова). Согласно определению в Толковом словаре иностранных слов, «термин (польск. termin < лат. terminus пограничный знак) — это слово или словосочетание, обозначающее определённое понятие какой-н. области науки, техники, искусства» (Толковый словарь иностранных слов, 1998).

Б.Н. Головин предлагает следующее толкование: «Термин — слово или подчинительное словосочетание, имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними» (Головин, 1987: 104).

К лексико-семантическим особенностям медицинского научно-популярного текста относится ограниченное использование узкоспециализированной терминологии и большой объём лексики из определённой области медицинской науки. Поэтому для исследования аудиовизуального текста документального фильма о медицине следует дополнительно выделить понятие специальной медицинской лексики. Согласно словарю лингвистических понятий и терминов Т.В. Жеребило, специальная лексика — это «совокупность слов и словосочетаний, обозначающих понятия специальной области знания или деятельности: 1) термины; 2) профессионализмы (профессиональные жаргонизмы)» (Жеребило, 2012: 215). Близкое определение даёт В.С. Терехова: «специальная лексика — слова и словосочетания, которые называют предметы и понятия, относящиеся к различным сферам трудовой деятельности человека, к которым относятся термины и номены, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, которые, как правило, не являются общеупотребительными» (Терехова, 1982).

Согласно Г.А. Абрамовой, медицинская лексика включает «медицинские названия, функционирующие не только в научной, но и в других подсистемах языка (в синхронии и диахронии)». Она включает как медицинские термины, так и «лексикон медицинского социолекта, нетерминологическую (обиходную) лексику» (Абрамова, 2003).

Существует большое количество классификаций терминов, но в рамках исследования особенностей перевода медицинской лексики аудиовизуального текста документального фильма целесообразно обратиться к подходу Н.А. Абросимовой. Специалист предлагает разделять медицинские термины на однословные термины и термины, включающие в свой состав несколько слов. К однословным относятся простые (непроизводные) слова, производные слова, соединения производных и сложных слов и многосложные (Абросимова, 2020: 18). Абросимова утверждает, что для передачи медицинских терминов могут применяться два типа переводческих операций: использование межъязыковых соответствий; транслитерирование или транскрибирование и описательный перевод в

случаях отсутствия эквивалента. Передача терминов, не имеющих соответствий в переводящем языке, подразумевает также калькирование (Абросимова, 2020: 22). Данное утверждение мы проверим на практике, проанализировав переводческие стратегии, которые применяются при аудиовизуальном переводе документальных фильмов медицинской тематики.

Среди сложностей, возникающих при переводе медицинских терминов, исследователи (Е.В. Павлова, И.В. Тележка) выделяют: асимметрию объёма значений, расхождение в грамматическом строе языков, наличие псевдоинтернациональных слов, или «ложных друзей переводчика», то есть слов, которые при своём внешнем сходстве имеют разные значения. В области лексики именно «ложные друзья переводчика» особенно часто дезориентируют лингвиста. Чтобы избежать этих ошибок, следует обратиться к контексту, в котором употреблено это слово. Кроме того, мы считаем, что переводчику следует принимать во внимание видеоряд, из которого также можно извлечь необходимую информацию для понимания того или иного термина.

С целью определить, какие переводческие стратегии позволяют эффективно преодолеть данные проблемы при переводе документального фильма о медицине, в ходе исследования был проведён анализ 84 терминологических единиц на материале дублированного перевода документального фильма “In The Womb: Identical Twins” режиссёра Лорна Тауненда (Lorne Townend). Фильм был снят в 2008 году студией National Geographic и посвящён биологическим процессам внутриутробного развития человеческих однояйцевых близнецов. С помощью 3D- и 4D-изображений ультразвукового исследования Лорн Тауненд демонстрирует особенности развития близнецов, генетические и эпигенетические изменения зародышей в матке. В основу сюжета 50-минутного фильма положены данные научных исследований, доказывающих, что обычные однояйцевые близнецы в действительности могут значительно отличаться. Интервью, проведённые с четырьмя парами взрослых однояйцевых близнецов, каждая из которых имеет свою особую семейную и медицинскую историю, показывают особенности взаимодействия и влияния социо-экономических и генетических факторов на судьбы близнецов. Одноголосый дублированный перевод фильма на русский язык был выполнен студией «АРК ТВ»¹. Речь ведущей Дилли Барлоу (Dilly Barlow) в переводе озвучена мужским голосом.

¹ См. сайт АРК ТВ. URL: <https://arctv.ru/?page=1&lang=ru>

Следует сказать о некоторых значимых преимуществах дублированного перевода исследуемого документального фильма. В документальном фильме «Жизнь до рождения: в утробе матери. Близнецы» наррация ведущим осуществляется исключительно за кадром, на экране ведущий не появляется. Данное обстоятельство в значительной степени упрощает процесс озвучивания, поскольку нет необходимости применять синхронизацию слоговой артикуляции. Однако требования к синхронизации аудио- и видеорядов должны быть выполнены. В этой связи необходимо констатировать тот факт, что основная задача при «укладке» фраз состоит в том, чтобы синхронизировать их с видеорядом. Синфазность реплик по отношению к видеодорожке может привести к диссонансу при восприятии документального фильма. Следовательно, переводчику следует сохранять хронометраж. Так, из-за расхождения количества языковых единиц в исходном языке и языке перевода, которые необходимы для выражения одной и той же мысли, переводчику приходится прибегать к различным стратегиям и переводческим трансформациям.

Результаты и обсуждение

Далее, учитывая вышеупомянутые особенности дублированного озвучивания документального фильма “In The Womb: Identical Twins”, мы более подробно рассмотрим случаи возникновения трудностей при переводе специальной лексики документального фильма о медицине и способы их преодоления. Анализ оригинального и переводного аудиовизуальных текстов документального фильма «Жизнь до рождения: в утробе матери. Близнецы» показал, что преобладающая часть медицинской лексики в фильме, согласно классификации Н.А. Абросимовой, представляет собой многозначные термины, состоящие из двух или более слов.

При сравнительно-сопоставительном анализе выяснилось, что самыми распространёнными приёмами перевода такой лексики выступают конкретизация и добавление. Например, словосочетание “the cord to the placenta” в переводе конкретизируется при помощи однословного термина «пуповина», что обуславливается русским узусом употребления медицинского термина и требованием соблюдения краткости при аудиовизуальном переводе. Часто выбор соответствующего эквивалента в языке перевода зависит от особенностей контекста и аудиовизуального ряда. Например, термин “to implant” (in the wall of the womb) в фильме употребляется в значении эмбриологического понятия “to undergo implantation”

(Merriam-Webster dictionary, 1989), в форме непереходного глагола. Согласно большому англо-русскому медицинскому словарю Г.Н. Акжигитова, в русском языке данный термин используется только в роли переходного глагола «имплантировать», «вживлять», «внедрять». В переводе английский термин передаётся с помощью конкретизации более нейтральным понятием «прикрепиться», которое используется и в других контекстах для перевода глаголов “to attach”, “stick to”. При условии, что в оригинальном фильме термин “implantation” несколько раз встречается в непосредственном контекстуальном окружении глагола “to implant”, данный переводческий прием представляется вполне оправданным, поскольку позволяет избежать тавтологии, делает фразу более компактной и удобной для восприятия зрителем.

В ходе исследования был выявлен ряд неточностей при переводе усечённых терминологических сочетаний. Например, понятие “sac” в предложении “The twins now secure in their own sacs” было передано русским термином «зародышевый мешок». “Sac” в данном предложении представляет усечённую форму терминологического сочетания “embryonic sac” или “gestation/fetal sac”, традиционно передающиеся в русском языке терминами «зародышевый пузырёк, или бластоциста» и «плодные оболочки» соответственно (Акжигитов, 2005: 929). Используя приём калькирования, переводчик не учитывает узус употребления термина, поскольку понятие «зародышевый мешок» чаще используется в ботанике. Кроме того, в данном случае большую роль играет контекст употребления термина. В фильме говорится о восьмой стадии беременности, когда эмбрион уже развился до состояния плода, поэтому эквивалент «зародышевый пузырёк» в данном контексте неуместен². Судя по видеоряду, в оригинале имеется в виду понятие «плодная оболочка».

Часто встречаемое в фильме понятие “identicals” является усечённой формой терминологического сочетания “identical twins”. В силу отсутствия эквивалентного соответствия в русском языке в переводе фильма используется полное словосочетание «однойяцевые близнецы» или слово «близнецы».

² Стадия бластоцисты (бластодермический пузырёк) представляет период развития зародыша млекопитающих, в том числе и человека, во время дробления оплодотворённого яйца (до прикрепления зародыша к стенке матки). Внешне эмбрион на стадии бластоцисты представляет полый пузырёк, на одной стороне которого находится скопление клеток. (см. БЛАСТОЦИСТА // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/biology/text/1873027> Дата обращения: 30.03.2023)

В ряде случаев в русском переводе наблюдаются расхождения при выборе соответствий английским терминологическим сочетаниям. Например, понятие “twin pregnancies” переводится как «многоплодная беременность», хотя регулярным соответствиям данного термина в русском языке является «двуплодная беременность» или «беременность двойней» (многоплодная беременность имеет соответствие “multiple pregnancy”) (Акжигитов, 2005: 840–841). Можно предположить, что переводчик не придавал существенного значения различию данных понятий, поскольку «многоплодная беременность» подразумевает «одновременное развитие двух и более эмбрионов (плодов)» (Большой медицинский словарь, 2000). Однако учитывая, что в оригинальном фильме данное понятие употребляется специалистом при обследовании пациентки с двойней, в переводе целесообразно сохранить словарное соответствие термина.

В предложении “Unseen influences may already be taking effect, ones that could subtly alter the expression of genes in their growing body” понятие “the expression of genes” передано термином «генетический код», что приводит к искажению смысла высказывания. В оригинале незаметные факторы начинают изменять не сам генетический код, а процесс, в ходе которого наследственная информация от гена, преобразуется в белок. Эквивалентным соответствием в русском языке выступает термин «экспрессия генов», означающий «проявление гена в организме в форме какого-либо специфического для него признака» (Там же: 222), тогда как «генетический код» подразумевает «единую систему записи всей генетической информации в форме последовательности нуклеотидов ДНК» (Арефьев, Лисовенко, 1995: 223).

В некоторых случаях переводчик использует описательный перевод, нивелируя строгую терминологию. Например, в предложении “blood may be directed away from the fingers and other extremities”, существительное “extremities” («конечности») передано на русский язык словосочетанием «выступающие части тела». Выбор более развернутого эквивалента в переводе может объясняться спецификой лексико-семантического оформления английского предложения в данном фрагменте, в котором группа сказуемого выражена модальным и фразовым глаголами в страдательном залоге “may be directed away from”. В фильме на русском языке использовано более короткое соответствие «будет плохо доходить», поэтому для соблюдения синхронизации фразы с видеорядом переводчик в последующем контексте выбирает более многослов-

ный эквивалент термина. В целом количество слов и хронометраж данной фразы в фильмах на оригинальном языке и языке перевода совпадают, что позволяет говорить об адекватности переводческого решения.

При передаче таких терминов, как “identical embryos”, “reproductive cell”, “human reproduction” и других, переводчик как правило не использует существующие соответствия, представленные в медицинских словарях и специальной литературе, а просто калькирует английское наименование. Далее более подробно рассмотрим указанные примеры и определим, что обусловило данные переводческие решения.

Словосочетание “identical twins” передаётся русскими словарными эквивалентами «однойяйцевые» или «монозиготные близнецы» (Арефьев, Лисовенко, 1995). Соответственно, английское понятие “identical embryos” в научно-популярном тексте целесообразно переводить путём смыслового развития «зародыши однойяйцевых близнецов». Однако поскольку развёрнутое словосочетание неприемлемо в условиях аудиовизуального перевода, переводчик сохраняет исходное количество слов, используя калькирование.

Согласно англо-русскому толковому словарю генетических терминов В.А. Арефьева и англо-русскому медицинскому словарю Г.Н. Акжигитова, понятие “reproductive cell” используется наравне с термином “germ cell” в значении «эмбриональной клетки, из которой развиваются яйцеклетка или сперматозоид» (“a haploid cell — e.g. sperm or egg — capable of joining its counterpart (fertilisation)”³) и может переводиться как «эмбриональная», «зародышевая», «родоначальная» клетка или «гоноцит». В переводе фильма используется калька — «репродуктивная клетка» — термин, используемый в русской научной литературе для определения термина взрослых половых клеток, гамет (Биология. Современная иллюстрированная энциклопедия: 2006). Вне контекста данное переводческое решение может стать причиной искажения смысла, так как в оригинале речь идёт именно о «первичных половых клетках», отличающихся от зрелых клеток⁴. Однако, поскольку в фильме незнакомый термин сопровождается пояснением “to start producing reproductive cells,

³ См. Medical Dictionary. URL: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com/reproductive+cell>

⁴ См. сайт Международного центра репродуктивной медицины. URL: <https://www.mcrfm.ru/encyclopedia/articles/vse-o-besplodii/polovye-kletki-cheloveka/>, Сельскохозяйственная электронная библиотека знаний. URL: <http://www.cnshb.ru/AKDil/0017/base/RP/005224.shtm>

his sperm» («начал производить репродуктивные клетки, сперму»), а также изображением человеческого зародыша, подобную терминологическую неточность в переводе нельзя считать ошибкой.

Понятие “singleton(s)” в оригинальном фильме дважды встречается для характеристики новорождённых детей — “twins are ... more likely to be born by cesarean section than singletons”, “the average singleton baby”. В фильме на русском языке ни в одном из контекстов переводчик не использует существующее словарное соответствие «единственный ребёнок». В первом случае термин “singleton(s)” путём смыслового развития передан определением «одноплодный» в качестве характеристики беременности — «вероятность кесарева сечения при многоплодной беременности ... выше, чем при одноплодной». Такое переводческое решение может быть объяснено тем, что конструкции страдательного залога не свойственны русской разговорной речи. Для сохранения естественности и краткости выражения подлежащее в переводе преобразуется в обстоятельство условия «при одноплодной беременности». Во втором контексте (“the average singleton baby”) термин нивелируется и заменяется прилагательным «обычный» в качестве характеристики ребёнка. В данном случае приём обобщения может искажать смысл пояснения, поскольку понятие «обычный ребёнок» может носить достаточно широкую трактовку (здоровый, без отклонений), тогда как в оригинале проводится сравнение новорождённых детей при одноплодной и многоплодной беременностях. Таким образом переводчику не удаётся соблюсти терминологическое единство, поскольку в зависимости от контекста и узуса переводного языка для передачи одного английского термина используются разные русские понятия.

Медицинскому термину “reproduction” соответствует русское существительное «размножение, воспроизведение». Словосочетание “human reproduction” имеет словарное соответствие «воспроизводство народонаселения» (Акжигитов, 2005: 909) или «размножение человека» (English-Russian dictionary of general lexicon: 2005), однако в переводе фильма оно также передаётся путём калькирования — сочетание «человеческая репродукция» нарушает узус русского языка, так что данная фраза может показаться неестественной и весьма громоздкой. Поскольку из контекста ясно, что речь идёт именно о человеке, вполне уместно использовать приём опущения и оставить русский термин «размножение».

Название синдрома “selective intrauterine growth restriction” в переводе передано как «селективное внутриматочное торможение

роста плода», хотя в специальной литературе⁵ данный синдром принято обозначать аббревиатурой СЗВУР (селективная задержка внутриутробного роста одного из плодов). Более объёмная формулировка данного термина может быть объяснена тем фактом, что видеоряд представляет закадровый комментарий анатомической схемы, не требующей осуществления синхронизации слоговой артикуляции в процессе перевода. Медленный темп речи ведущего и длинные паузы между сменой кадров позволяют увеличить количество языковых единиц при переводе. Поэтому незначительное отставание реплик при произношении термина в русском фильме не критично, поскольку не вызывает диссонанс при восприятии информации. Терминологическое сочетание “genetic makeup” переведено как «генетическое строение», хотя, согласно большому англо-русскому медицинскому словарю (Акжигитов, 2005: 648), данный термин имеет следующие возможные соответствия: «1) организация генетического материала, или генома; 2) генетическая конструкция, рекомбинантная ДНК». В данном случае очевидно, что выбор в пользу более краткого варианта перевода обуславливается требованием соблюдения хронометража фильма.

Таким образом, сопоставительный анализ оригинального документального фильма о медицине и его перевода на русский язык показал, что большая часть медицинской специальной лексики передаётся с помощью уже существующих регулярных соответствий — 43%. Наиболее распространёнными способами передачи терминологических сочетаний являются калькирование (21%) и смысловое развитие (13%). Термины, имеющие несколько значений в зависимости от сферы применения, как правило, переводятся с помощью конкретизации и добавления — 12%. Также было установлено, что в ряде случаев предшествующий контекст, пояснения оратора и аудиовизуальный ряд обуславливают опущения части информации при переводе (6%). Приём транслитерации применялся реже, в основном, для передачи интернациональных однословных терминов — 5%. Доля ошибок и неточностей при переводе медицинской лексики составила 8%. В ряде случаев выбор непра-

⁵ См. например, в работах Марковой Т.В. Селективная задержка роста одного плода из монохориальной двойни: современные методы ведения / Т.В. Маркова, Н.В. Косовцова, А.Н. Чуканова, П.Б. Цывьян // Российский вестник акушера-гинеколога, 2016. Т. 16. № 3. С. 42–47; Костюкова К.В., Gladkova K.A. Диагностика синдрома селективной задержки роста плода, синдрома обратной артериальной перфузии при монохориальной многоплодной беременности. Акушерство и гинекология. 2016; 2: 14–18. URL: <http://dx.doi.org/10.18565/ig.2016.2.14-18>

вильного эквивалента при переводе терминологических сочетаний (*zona pellucida*, *twin pregnancies*, *the expression of genes*, *sacs*, *sonographer*) приводил к искажению фактической информации.

Заключение

Можно предположить, что причиной таких неточностей выступал недостаточно глубокий анализ терминологических соответствий и узуса употребления медицинской лексики в английской и русской специальной литературе (аналоговых текстах), а также игнорирование контекста и видеоряда, использование которого в ряде случаев позволило бы переводчику понять, значение того или иного термина и избежать фактических ошибок.

Было установлено, что нивелирование специальной лексики или использование кальки английского термина обуславливается стремлением переводчика к краткости выражения и сохранению хронометража фильма. Общий контекст и визуальный ряд позволяют компенсировать терминологическую неточность. Несмотря на ряд ошибок при передаче лексико-терминологического содержания документального фильма, они не приводят к существенным семантическим искажениям и не нарушают целостное восприятие основной идеи фильма. Большой объём специальной медицинской лексики переводится словарными соответствиями или кальками, что позволяет синхронизировать фразы ведущего с видеорядом и выполнить перевод аудиовизуального текста документального фильма медицинской тематики с учётом его специфики.

Список литературы

Абрамова Г.А. Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития (на материале русского языка): дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2003. 241 с.

Абросимова Н.А. Введение в медицинский перевод: учебное пособие / Н.А. Абросимова. Москва — Берлин: Директ-Медиа, 2020. 116 с.

Акжигитов Г.Н., Акжигитов Р.Г. Большой англо-русский медицинский словарь (БАРМС). М.: Издательство «Издание г-на Акжигитова Р.Г.», 2005. 1224 с.

Арефьев В.А., Лисовенко Л.А. Англо-русский толковый словарь генетических терминов. Науч. ред. Л.И. Патрушев; М.: Изд-во ВНИРО, 1995. 407 с.

Биология. Современная иллюстрированная энциклопедия / Отв. ред. А.П. Горкин; М.: Росмэн, 2006.

Большая российская энциклопедия / Осипов Ю.С., Кравец С.Л. М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. 992 с.

Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969.

Большой энциклопедический словарь медицинских терминов: более 100 тысяч терминов / Под ред. Э.Г. Улумбекова; сост.: Л.А. Белова и др.. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. 2242 с.

Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник. Назрань: «Пилигрим», 2012. 280 с.

Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.

Павлова Е.В., Лантева Т.Г. Специфика передачи терминов различных типов при переводе с английского языка на русский // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. № 2.

Райс К. Классификация текстов и методы перевода // Вопросы перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 220–228.

Тележко И.В. Особенности перевода медицинских текстов (на примере немецкого медицинского дискурса). Филологические науки. Прикладное языкознание. Билингвизм. 2021. С. 214–221.

Терехова В.С. Специальная лексика в языке газеты: учебное пособие. Изд-во Ленинградского университета, 1982. 134 с.

Толковый словарь иностранных слов Л.П. Крысина. М: Русский язык, 1998.

Webster's dictionary of English usage (1989). Merriam-Webster Inc., Publishers Springfield, Massachusetts. 974 p.

Источники

Medical Dictionary. URL: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com/reproductive+cell>

Использованные материалы

In the Womb: Identical Twins. DVD. Directed by Lorne Townend. National Geographic Channel, 2009, USA: Dolby Laboratories. Accessed October 25, 2011.

Жизнь до рождения: в утробе матери. Близнецы (National Geographic) URL: https://www.youtube.com/watch?v=BI6TAW2Vohk&ab_channel=Rastor

References

Abramova, G.A. (2003) Medicinskaja leksika: osnovnye svojstva i tendencii razvitija (na materiale russkogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk. = Medical vocabulary: main properties and development trends (based on the Russian language): diss. ... of PhD in Philological Sciences. G.A. Abramova. Krasnodar: Publishing House of KubGU. 241 p. (In Russian).

Abrosimova N.A. (2020) Vvedenie v medicinskij perevod: uchebnoe posobie = Introduction to Medical Translation: Textbook. N.A. Abrosimova. Moscow — Berlin: Direct-Media. 116 p. (In Russian).

Akzhigitov G.N., Akzhigitov R.G. (2005) Bol'shoj anglo-russkij medicinskij slovar' (BARMS) = Big English-Russian medical dictionary. Moscow. Izd. g-na R.G Akzhigitova. 1243 p. (In Russian).

Aref'ev V.A., Lisovenko L.A. (1995) Anglo-russkij tolkovyj slovar' geneticheskikh terminov = English-Russian Dictionary of Genetic Terms Scientific editor L.I. Patrushev; Moscow: VNIRO Publ. 407 p. (In Russian).

Biologija. Sovremennaja illjustrirovannaja jenciklopedija. (2006) = Biology. Modern illustrated encyclopedia. Ed. by A.P. Gorkin; Moscow: Rosmen Publ. (In Russian).

Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija. Osipov Ju.S., Kravec S.L. (2004) Big Russian Encyclopedia. Osipov Y.S., Kravets S.L. Scientific publishing house "Bol'shaya Russkaya Encyclopaedia". 992 p. (In Russian).

Bol'shaja sovetskaja jenciklopedija: v 30 t. (1969–1978) = Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes. Ed. by A.M. Prokhorov., 3rd ed., Moscow: Soviet Encyclopaedia. (In Russian).

Bol'shoj jenciklopedičeskij slovar' medicinskih terminov: bolee 100 tysjach terminov (2012) = Big encyclopedic dictionary of medical terms: over 100 thousand terms / ed. by E.G. Ulumbekov, co-compiled by L.A. Belova et al. Moscow: GEOTAR-Media Publ., 2242 p. (In Russian).

Zherebilo T.V. (2012) Terminy i ponjatija lingvistiki: Obshee jazykoznanie. Sociolingvistika: Slovar'-spravochnik. = Terms and Concepts of Linguistics: General Linguistics. Sociolinguistics: Handbook Dictionary. Nazran: Pilgrim Publ., 280 p. (In Russian).

Kozhina M.N. (2011) Stilisticheskij jenciklopedičeskij slovar' russkogo jazyka = Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language. 2nd ed., stereotyped. Moscow: Flint: Nauka Publ., 696 p. (In Russian).

Pavlova E.V., Lapteva T.G. (2014) Specifika peredachi terminov razlichnyh tipov pri perevode s anglijskogo jazyka na russkij = Specificity of the transfer of terms of various types when translated from English into Russian, *Interexpo Geo-Siberia Publ.* No. 2 (In Russian).

Rajs K. (1978) Klassifikacija tekstov i metody perevoda = Classification of texts and methods of translation. Problems of translation in foreign linguistics. Moscow: International relations, pp. 220–228 (In Russian).

Telezko I.V. (2021) Osobennosti perevoda medicinskih tekstov (na primere nemeckogo medicinskogo diskursa) = Features of translation of medical texts (using the example of German medical discourse) Applied linguistics. Bilingualism, pp. 214–221 (In Russian).

Terehova V.S. (1982) Special'naja leksika v jazyke gazety: uchebnoe posobie = Special vocabulary in the language of newspapers: textbook. Publ. of Leningrad University. 134 p. (In Russian).

Tolkovyj slovar' inostrannyh slov L.P. Krysin. (1998) = Explanatory dictionary of foreign words, L.P. Krysin. Moscow-publishing house "Russian language". 846 p. (In Russian).

Webster's dictionary of English usage (1989). Merriam-Webster Inc., Publishers Springfield, Massachusetts. 974 p.

Sources

Medical Dictionary. URL: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com/reproductive+cell>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Левкович Яна Андреевна — магистрант Российского государственного гуманитарного университета, института филологии и истории, г. Москва, Миусская пл., д. 6; levkovichja@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9963-473X

Филатова Екатерина Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики Национальный исследовательский университет «МЭИ», 111250, Россия, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14, стр.1; ekafilatova@mail.ru; ORCID: 0009-0009-5879-4871

ABOUT THE AUTHORS:

Iana A. Levkovich — Master's Degree Student at the Russian State University for the Humanities, Department of History and Philology, Moscow, Miusskaya square. 6; levkovichja@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9963-473X

Ekaterina A. Filatova — Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at Department of Advertising, Public Relations and Linguistics, National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Krasnokazarmennaya, 14, build. 1, Moscow, 111250, Russia; ekafilatova@mail.ru; ORCID: 0009-0009-5879-4871

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81`33

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-95-110

СКРЫТЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПРИ УПОТРЕБЛЕНИИ КИТАЙСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ

Цуй Чжэюань

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия;

Университет МГУ — ППИ в Шенчжэне, Шенчжэнь, Китай

Для контактов: 510593963@QQ.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются детальные правила употребления конкретных китайских иероглифов, чьи переводы на русский язык одинаковые — их значения сходные, но между ними и есть мелкие различия, что является актуальной проблемой преподавания китайского языка. Следует отметить, что основа для подбора китайских иероглифов — семантический контекст, что часто не выражается в общении. Причина этой скрытности — китайская культура. Китайская культура является высококонтекстуальной — в контексте общений китайцы скрывают много информации, а носители чужой культуры часто не могут эти недосказанные информации понимать, и таким образом не могут понять, какое выражение подойдёт для конкретной ситуации. В статье также рассматривается возникновение, значение и употребление нескольких китайских неологизмов, и их требование к семантическому контексту.

Ключевые слова: китайский язык, анализ значения слова, семантика, неологизм

Для цитирования: Цуй Чжэюань. Скрытый семантический контекст при употреблении китайских выражений // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2023. № 2. С. 95–110. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-95-110

Статья поступила в редакцию 23.04.2023;
одобрена после рецензирования 25.09.2023;
принята к публикации 01.10.2023.

HIDDEN SEMANTIC CONTEXT WHEN USING CHINESE EXPRESSIONS

Cui Zheyuan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
MSU University — PPI in Shenzhen, Shenzhen, China

For contacts: 510593963@qq.com

Abstract. This article focuses on the detailed rules of using certain Chinese characters whose translations into Russian are the same, which means the meanings are close, but there are still some minor differences, which is a topical problem encountered in the process of teaching the Chinese language. It should be noted that the basis for the selection of Chinese characters is the semantic context, which is often not expressed in the process of communication. The reason for this concealment is the Chinese culture. This article also studies the emergence, meaning and use of several Chinese neologisms and their requirement related to the semantic context.

Key words: Chinese language, analysis of word meaning, semantics, neologism

For citation: Cui Zheyuan. (2023) Hidden semantic context when using Chinese expressions. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 2. С. 95–110. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-95-110

The article was submitted on April 23, 2022;
approved after reviewing on September 25, 2023;
accepted for publication on October 01, 2023.

© Cui Zheyuan, 2023

Актуальность данной темы заключается в том, что в процессе преподавания языков мы неизбежно сталкиваемся с синонимами, и эти сходные по значению слова часто вызывают у студентов трудность. Решение данной проблемы имеет большую актуальность для преподавания языка перед иноязычной аудиторией. Практическая значимость исследования обусловлена детальным семантическим анализом, показанным в данной работе. Данная работа предлагает и преподавателям, и студентам полезный метод, который возможно применять в процессе преподавания. Новизна данной работы заключается в том, что кроме обычных примеров, в статье также анализируются разные неологизмы, которые, хотя не существуют в учебниках, но постепенно становятся нормальной частью китайского языка. Этими неологизмами автор показывает, что требование к «семантическому контексту» в китайском языке существует независимо от конкретных иероглифов. Материалы данного исследования — разные научные статьи о преподавании китайского языка как иностранного, научные лекции, китайские учебники лингвистики и языковые материалы в Интернете.

Одна из самых распространённых ошибок, при использовании иностранного языка — неправильное понимание «оттенков» значения слов. Такая ошибка часто возникает, когда слова переводятся на родной язык одинаково — слова-синонимы. Причина таких ошибок заключается в непонимании конкретных правил употребления слова. Под «конкретными правилами употребления» мы имеем в виду требование к конкретному семантическому контексту, т.е. в каких ситуациях или в каких контекстах может или нельзя употребить слово.

Самая первая основа для подбора слова — его словарное значение в переводе на родной язык. Но часто бывают случаи, когда иностранные слова A1 и A2 переводятся как слово A на родном языке. А какой перевод подойдёт для конкретной языковой ситуации, определить уже труднее.

Когда употребляют слова на родном языке, такие ошибки не возникают, ведь когда говорят на родном языке, люди бессознательно понимают, какое слово следует употреблять, но когда употребляют слово чужого языка, такой бессознательный подбор слов не происходит. Это потому, что со словом часто связан некий скрытый семантический контекст, на котором основано наше бессознательное суждение. Хотя слово всегда можем перевести на родной язык, познание требования к контексту через перевод фактически невозможно.

От культуры зависит требование к семантическому контексту. По мнению антрополога Эдварда Холла, все культуры мира можем разделить на высококонтекстуальную и низкоконтекстуальную в зависимости от отношения информации к контексту. В высококонтекстуальной культуре, как обычно, большинство информации общения содержится не в самых словах, а в контексте, в культуре. Стороны общения до того, как начинается общение уже владеют множеством информации, которое содержится в обстоятельствах. Для того, чтобы достичь понимания, требуется только дополнение — несколько слов. В такой культуре сами слова могут содержать меньше информации, чем выражено на самом деле. Что важно для переговоров — паралингвистические и экстралингвистические факторы — тона, скорость, громкость, невербальные сигналы, паузы и т.п. Детали, эмоции, причина и возможные другие информации не выражены — они уже ясны собеседникам.

Такая культура оформлена в таких странах, как Китай, Япония, Корея, где географическое место жительства людей почти не меняется, и изменения в общественной жизни людей происходили очень медленно. В такой культуре общение между людьми постоянное, стабильное. Люди избегают конфликтов и открытого выражения недовольства при разных условиях, потому что круг общения людей почти не меняется, конфликт и недовольство могут привести к недопониманию. Люди в обществе тесно связаны и живут рядом, поэтому у них формируется единый взгляд на мир, и они принимают способ общения друг с другом — собеседники должны уметь «читать» обстоятельства общения и угадать смысл.

В такой культуре люди как правило создают свой круг друзей, и у всех членов этого круга есть своя система «жаргонов», основанная на общем опыте. Эта система «жаргонов» для человека вне круга почти произвольная. Он должен понять те истории, иметь тот же опыт, чтобы входить в данный круг людей, и общаться на таком же жаргоне. Иначе, хотя он может и разобраться в теме, его всё-таки не принимают в круг, потому что его «язык чужой».

Низкоконтекстуальная культура распространена в таких странах, как Германия, Канада, США. В такой культуре сеть связей между людьми более свободная, и когда люди вступают в общение, им необходима подробная информация обо всём происходящем. Люди предпочитают всё выражать словами, ясно, непосредственно, чтобы ничто не осталось неназванным и недоговорённым. Большинство информации содержится в словах, а не в контексте общения.

Сама концепция «высококонтекстуальная и низкоконтекстуальная культура» относительная. Одна культура, по сравнению с другой, может быть высококонтекстуальной, а по сравнению с третьей — низкоконтекстуальной.

Холл относит Китай к странам с высококонтекстуальной культурой:

«Письменная речь этой страны с многовековой историей практически не претерпела изменений за последние три тысячелетия. Эта письменность является объединяющей силой, связывающей полмиллиарда китайцев, корейцев, японцев и даже вьетнамцев, которые говорят по-китайски. Как только заглядываешь в китайский словарь, появляется необходимость в знании контекста. Для того чтобы найти нужное слово, читатель должен быть знаком с историей Китая, знать происхождение 214 иероглифических ключей (радикалов)»¹.

Русская культура так же относится к высококонтекстуальной культуре, но она ниже, чем китайская и японская (Ван Сяоцзюнь, Нагорный, 2010). Вышеуказанная проблема в понимании китайского языка возникает у многих китаистов — знание словарного значения далеко не достаточно, чтобы достичь беспрепятственного общения.

Так как представители разных культур, как правило, выражают смысл по-разному, проблема возникает уже при изучении языков. Когда представитель высококонтекстуальной культуры говорит языком низкоконтекстуальной культуры, он, как обычно, не выражает всё, полагая, что собеседник может много понять из ситуации, из тех несколько слов, который он сказал. Для представителя низкоконтекстуальной культуры данная речь недосказана и не очень понятна. Наоборот, когда человек низкоконтекстуальной культуры говорит языком высококонтекстуальной культуры, ему приходится быть очень осторожным при подборе слова, так как слова такой культуры могут обозначать во многом больше в разных контекстах, чем своё словарное значение. Если он в общении выбрал неподходящее слово, носитель данного языка будет интерпретировать его речь «по-обычному», и понимать больше, чем говорящий хотел выразить, что приведёт к ошибочному пониманию.

Далее посмотрим ряд примеров, которые показывают, как иероглифы в китайском языке могут носить больше информации, чем

¹ Перевод с сайта: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Холл, Эдвард](https://ru.wikipedia.org/wiki/Холл,_Эдвард).

их словарное значение, и будут выявлены их собственные требования к семантическому контексту.

Первый пример: в китайском языке есть два модальных слова (глагола) “能” и “会”. Оба переводятся на русский как глагол «МОЧЬ».

1. “能” — мочь, быть в состоянии. Глагол “能” — иметь возможности что-либо сделать.

Например:

你能不能跟我去商店 — Ты можешь пойти со мной в магазин?

我不能买这个东西, 我没有钱 — Я не могу купить эту вещь, у меня нет денег.

2. “会” — уметь, мочь. Модальный глагол “会” имеет значение «уметь что-то делать в результате обучения».

Например:

你会说汉语吗? — Ты умеешь говорить по-китайски?

你会游泳吗? — Ты умеешь плавать?

他不会说法语。 — Он не умеет говорить по-французски²

Хотя “能” точно говорит о возможностях, “会” — о результатах обучения, “会” также употребляется для оценки вероятности. Русские китаисты иногда делают ошибку при подборе слов между “能” и “会”, когда имеют в виду «мочь». “能” и “会” фактически сильно различаются в употреблении, их значения в некоторых случаях даже трудно назвать близкими.

Например²,

1. 那男孩道: “呸, 你不会摔跤。” 韦小宝道: “谁说不会?”

2. 韦小宝心想: “你只要说一遍, 我便过一百年也不会忘记。”

3. 康熙叹了口气, 说道: “我早料到, 你知道我是皇帝之后, 再也不会象从前那样跟我比武了。”

4. 海老公冷冷道: “皇上跟你是好朋友, 不会杀你, 只会杀我。”

1. Мальчик говорит: «Фу, ты бороться не умеешь!» Вэй Сяобао отвечает: «Кто говорит, что не умею?»

2. Вэй Сяобао думает: «Ты раз сказал, я не забуду даже через сто лет».

3. Канси вздохнул: «Я это давно уже знаю. Если ты узнаешь, что я император, ты не будешь драться со мной, как раньше».

4. Евнух Хай холодно говорит: «Его величество твой друг. Тебя не убьют, убьют только меня».

Очевидно, забыть что-либо, драться, убить кого-либо в данных текстах не может быть результатом обучения. Только в примере 1

² Примеры 1–9 из романа Цзинь Юна 《鹿鼎记》 (перевод мой — Ц.Ч.)

“会” употребляется как «умение в результате обучения». В других примерах “会” действует как «указание на будущее время».

Дальше посмотрим примеры употребления слова “能”:

5. 康熙道：“你知道我是皇帝之后，咱们再也不能真打了。”

6. 韦小宝大惊，寻思：“不对，这里是皇宫，可不能说粗话。”

7. 康熙道：“我可不能跟你说。你问来干什么？”

8. 心痒难搔，跃跃欲试，但碍于万乘之尊，总不能下场动手，叹了口气。

9. 我和他做了好朋友，自然不能打得太过份了。

5. Канси говорит: «Как ты узнаешь, что я император, нам больше нельзя драться по-настоящему».

6. Вэй Сяобао испугался, думает: «Нет, здесь дворец императора, ругаться нельзя».

7. Канси говорит: «Нельзя тебе сказать. Зачем ты спрашиваешь?»

8. У него сердце горит желанием, но он — император, конечно, ему нельзя выходить на арену и драться. Вот он и вздохнул.

9. Я стал его большим другом, конечно, теперь нельзя драться в полную силу.

Все здесь “不能” можем переводить как «нельзя» — действие запрещено из-за объективного ограничения.

“能” тоже имеет значение «уметь что-то делать». Например, “我能说几句法语” — Я могу чуть-чуть говорить по-французски. В данном примере употребление слова “能” тоже допустимо, и оно ничем не отличается от “会”. Но если нужно отрицать такое умение, употребляется только “会”, а “能” в случае отрицания переводится как «нельзя». При переводе отдельных слов “会” и “能” без контекста такая разница невидима.

10. 我不会说法语。

11. *我不能说法语 (неправильный).

Когда речь идёт о способностях, есть и отдельные правила:

Когда описывается уровень человека, употребляется только “能”.

Например: Он может перевести 1500 слов за час.

12. 他一小时能翻译1500字。

13. *他一小时会翻译1500字 (неправильный).

Когда речь идёт о вероятности, “会” часто намекает на субъективное желание, а “能” намекает на объективное ограничение.

14. 我不会去明天的音乐会了，不想去。

15. 我不能去明天的音乐会了，没有时间。

14. Я не пойду на концерт завтра, потому что не хочу.

15. Я не пойду на концерт завтра, потому что нет времени.

Только через контексты мы можем увидеть эту скрытую информацию, и именно эта скрытая информация и служит основой для выбора между словами близкими по значению. Но эта информация называется «скрытой», потому что в реальном общении её часто не выражают, что типично для высококонтекстуальной китайской культуры. Когда спрашивают, 去不去? «Пойдешь или нет?», отвечают либо “去”, «Да», либо “不会去了” — «не могу пойти» (возможен и вариант “不想去” — «не хочу»), либо “不能去” — «не могу пойти (в силу серьёзных причин)» (возможен и вариант “去不了”, значение то же самое), вторая часть примеров 14 и 15 — не обязательная в общении.

Например, если китаец приглашает своего иностранного друга на свою свадьбу завтра, а у друга болеет мать, он завтра не сможет приехать на свадьбу, ему надо ехать в больницу. Тогда он в ответ должен сказать “我不能去” — не могу, по объективной причине. Иначе, если говорит, “我不会去”, это означает, что он по своей воле не желает ехать на свадьбу. Такой ответ для китайца звучит настолько невежливым, что он будет считать, что они не настоящие друзья. Если даже иностранный друг указывает причину, ответ “我不会去” всё-таки для китайца странный — когда слышит “不会”, он ожидает уже субъективную причину.

Этими примерами показано, что хотя “能” и “会” оба можно переводить как «мочь», но в конкретных контекстах они уже различаются. Чтобы узнать точное значение иностранного слова, важен не только перевод данного слова, но и контекст, где слово употребляется.

Кроме выбора между вариантами, скрытый сематический контекст тоже важен для понимания отдельных иностранных слов, а также для точного перевода — переведённый вариант слова может быть адекватным в определённом контексте, и у учащихся легко создаётся иллюзия, что это иностранное слово аналогично какому-то слову в родном языке. Например:

16. 我有的是钱。

16. У меня много денег.

В данном примере выражение “有的是” вполне можно переводить как «много». Но если мы посчитаем, что “有的是” есть «много», мы сделаем ошибку. Если нужно сказать, что «у меня много проблем», то на китайском нельзя сказать

17. *我有的是麻烦 (неправильный).

Выражение “有的是” не подойдёт. Добавим пропущенную вторую скрытую часть выражения “我有的是钱”, получаем:

18. 我有的是钱, 用不完。

19. 我有的是钱, 随使用。

18. У меня много денег, никогда не кончаются.

19. У меня много денег, трать как хочешь.

А если добавим вторую часть выражения “我有的是麻烦”, оно становится правильным:

20. 我有的是麻烦, 再多一个也无所谓。

20. У меня много проблем, мне всё равно, что появилась новая.

Видим, что здесь на самом деле не важно значение «много», а значение «достаточно». Говорящему не важно, что есть «много», важно то, что ему «не важно изменение их количества», поэтому употребляем “有的是”, а не “许多”. Обычно в общении, когда нужно сказать “我有的是钱”, контекст такой:

— 太贵了! Это очень дорого!

— 我有的是钱. У меня много денег.

Здесь ясно выражено «достаточно». А когда человек говорит, что у него много проблем, это обычно только жалоба, поэтому “有的是” не подходит.

Следующий пример. Наречия “反而” и “却” обычно оба переводятся как «наоборот, напротив, вопреки», и в некоторых случаях могут заменять друг друга.

Например:

21. 为什么事实已大白于天下, 事情却得不到妥善、有效和及时的处理呢?

21. Почему факты уже выявлены, а вещи, наоборот, не обрабатываются должным образом, эффективно и оперативно?

22. 这一不幸事件反而使他更加坚强起来。

22. Эта беда, наоборот, усилила его.

Когда заменяем в предложениях “反而” на “却”, “却” на “反而”, получаем:

23. 为什么事实已大白于天下, 事情反而得不到妥善、有效和及时的处理呢?

24. 这一不幸事件却而使他更加坚强起来。

Грамматически и семантически они правильны и являются аналогичными примеру 21 и 22.

Но эти слова не только имеют значения «наоборот, напротив, вопреки», и в некоторых случаях друг друга заменять уже нельзя.

Это либо потому, что значение другое, либо потому, что употребление слова намекает на скрытую информацию:

25. 勇者愤怒, 抽刃向更强者; 怯者愤怒, 却抽刃向更弱者。

25. Храбрец разозлился и бросился на сильного; трус разозлился, но он бросился на слабого.

26. 但胖孩子身体矮, 仰起脸来看时, 却正撞见这人的眼睛了。

26. Но толстый мальчик низкий, когда он задрал голову и смотрел вверх, он как раз видел глаза этого человека.

27. 今年冬天北京反而比哈尔滨冷。

27. В Пекине даже холоднее, чем в Харбине этой зимой.

28. 今天午后下了一场雷阵雨, 原以为可以凉快些, 可是并没有凉下来, 反而更加闷热了。

28. Сегодня после обеда была гроза с дождём. Думали, что будет холоднее, но наоборот, стало жарче.

В примере 25, “却” не имеет значения «поворот события», а значение «сопоставление». Здесь сопоставляются действия храбреца и труса, нет никакого поворота события. Есть и другие примеры, где “却” имеет значение «сопоставление»:

29. 我想起你, 总觉得很惭愧, 我一天天过得舒舒服服, 你却在我家里受罪。

29. Когда я думаю о тебе, я всегда чувствую смущение. Я живу с комфортом каждый день, а ты мучишься в моем доме.

Здесь сопоставляются жизненные ситуации у «меня» и у «тебя» — это, конечно, не является событием, а только статической ситуацией.

30. 那阵儿, 城里的父母们一面高呼“广阔天地, 大有作为”, 一面却在为子女们苦苦寻找出路。

30. В то время родители в городах с одной стороны кричали лозунг: «Страна большая, перспективы огромные», а с другой стороны изо всех сил пытались найти выход для своих детей.

Здесь речь идёт о том историческом периоде, когда вся китайская молодёжь отправились в деревню. Родители на словах соглашались, а делали наоборот — изо всех сил пытались, чтобы свои дети остались в городах. Здесь сопоставляются то, что они говорили, и то, что они делали. У слова “反而” нет такого значения, поэтому оно не может заменять слово “却” здесь.

В примере 26, “却” обозначает «как раз». Другой пример:

31. 待到重归平静, 胖大汉再看白背心的脸的时候, 却见白背心正在仰面看他的胸脯。

31. Когда стало тихо, толстяк снова посмотрел на лицо человека в белом жилете, он как раз увидел, что тот смотрит на его грудь.

В таких случаях, когда “却” не обозначает поворот события, нельзя его заменять на “反而” — значение совсем другое.

Когда возможно только употребление “反而”, как пример 27 и 28, в контексте должна быть невыраженная информация. Она для человека вне китайской культуры почти неощутима, а для китайцев она даже служит основой для подбора слова. При наличии этой скрытой информации мы должны употреблять слово “反而”.

Что скрывают примеры 27 и 28? Здесь речь идёт об ожидании или общем представлении. Обычно китайцы представляют, что Харбин — город на севере, а Пекин, хотя тоже северный город, но он южнее, чем Харбин. Поэтому, в Харбине ДОЛЖНО быть холоднее. А в этом году, вопреки ожиданию, в Пекине холоднее, поэтому нужно слово “反而”. Также в примере 28, люди ожидают, что будет холоднее, но вопреки ожиданию, стало жарче. В примерах 21 и 22, где возможны оба, “却” и “反而”, кроме поворота события, здесь тоже есть некое ожидание и представление: факты выявлены, и мы ожидаем, что вещи должны обрабатываться эффективно и оперативно, но нет; несчастный инцидент обычно разрушает дух и жизнь человека, а он, вопреки этому представлению, стал сильнее.

Видимо, что у иероглифа “反而” есть требование к семантическому контексту. Он употребляется, когда что-либо ожидается, или говорящие считают, что какое-то представление должно у всех быть, хотя это ожидание или представление может быть скрытым, невыраженным.

Далее представим анализ неологизмов.

Вышеуказанные примеры всё-таки находятся в сфере понимания «оттенков» слов, а значение китайских неологизмов уже далеко от их словарных значений. С их значением так тесно связана культура, что без знания их возникновения понять невозможно.

Самые яркие примеры данного явления — неологизмы “肝”³ и “氦”⁴. Сами иероглифы простые, но они в общении кое-какого круга получили свои новые значения как неологизмы, и стали распространяться у всех китайцев.

Словарное значение иероглифа “肝” — печень. Жизненно важный орган как у животных, так и у человека. Но он как неологизм получил значение «стараться что-либо делать» «тратить много времени на что-либо». Такое значение на первый взгляд никак не связано с органом человека, и оно непонятно.

³ 爆肝 [Электрон. ресурс] Режим доступа: <https://zh.moegirl.org/zh-hans/爆肝>

⁴ 氦金 [Электрон. ресурс] Режим доступа: <https://zh.moegirl.org/zh-hans/氦金>

Это значение возникло в 2013 году, когда вошло на китайский рынок мобильных игр японское приложение “拡散性ミリオンアーサー” (Его не выпускали в России), онлайн карточная игра. Она была насколько распространена, так как тогда на китайском рынке почти не было другой игры такого качества. Механизм игры такой, что все игроки каждый день «должны» тратить на игру много времени, чтобы получить хорошую карточку, а чем меньше времени на неё тратить, тем хуже будет награда. И часто были люди, кто круглосуточно играли в эту игру, даже ночью не спали ради получения лучших карточек. В сообществе игроков вдруг стало популярно предложение «По теории китайской медицины, ночью не спать вредит печени». Люди относились к нему не очень серьёзно, и часто шутили «Если ты ещё не спишь, твоя печень разрывается». Скоро такое выражение стало распространяться в сокращённом виде — “爆肝”, что буквально значит «разрыв печени». Употребляли его как наречие, например, “爆肝写论文” — «тратить много времени на диссертацию, даже несмотря на вред своей печени». Затем этот сокращённый вид ещё сократили в “肝”, «печень», с ним уже не так тесно связано значение «ночью не спать», а только «всей силой заниматься» или «стараться». Его можно употреблять как глагол, а также как прилагательное. Например, как глагол, можно на китайском сказать “肝论文” — «Всей силой работать над диссертацией». Как прилагательное, можно сказать “阴阳师太肝了, 不想玩” — «Игра “Onmyoji” требует слишком много времени, не хочу играть». Но “肝” не всегда заменяет глагол «стараться». Так как это значение возникло из игры, где чем больше времени тратить, тем больше награды можно получить, в контексте должно быть понятие «результат». Можно “肝” диссертацию, потому что в результате будет написана диссертация. Можно “肝” научное исследование, потому что в результате ожидается научное открытие. «Заниматься спортом» уже нельзя заменять на “肝”, потому что сам процесс занятия спортом важен, и обычно не ожидается никакой результат.

“氪” — криптон (Kr), химический элемент. Его значение как неологизм — тратить деньги на что-либо. Возникновение этого значения тоже связано с мобильной игрой “拡散性ミリオンアーサー”. У игры есть встроенные покупки — тратить деньги, чтобы получить хорошие карточки, что по-японски называется “課金” (kakin). Для китайцев это не японский Кандзи, а традиционные иероглифы, его упрощённая форма — “课金”⁵. Тогда в Китае ещё была популяр-

⁵ 课金 [Электрон. ресурс] Режим доступа: <https://zh.moegirl.org/zh-hans/课金>

на другая игра — World of Warcraft, в которой есть придуманный металл Khorium, что в китайской версии называется “氦金”. Когда люди хотели писать “課金” онлайн, их приложение-клавиатура часто выдаёт “氦金”, потому что их звучания одинаковые, и “氦金” тогда чаще употребляемое, чем японское слово “課金”. И люди не поправляли “氦金” на “課金”, так как они оба для китайцев чужие слова иностранного происхождения. Для того, чтобы получить все хорошие карточки в “拡散性ミリオンアーサー”, нужно тратить в игре огромное количество денег (больше, чем 10 тысяч юаней, почти 100 тысяч рублей). Конечно, не все могли тратить деньги так легкомысленно, но и были люди, которые тратили 100 тысяч юаней (миллион рублей) на эту игру. Их называли “氦金党” — люди, которые тратили деньги на игры. Игра была тогда очень влиятельна, и поэтому почти вся китайская молодёжь знала об этих выражениях: “金” — золото, и его переносное значение в китайском языке — деньги. Так как “氦金” — «тратить деньги», а само “金” — деньги, люди стали интерпретировать иероглиф “氦” (химический элемент криптон) как «тратить». Далее иероглиф “氦” стали использовать без “金”, но его значение остаётся — тратить деньги. Примеры его употребления такие: “氦了一台电脑” — «купил компьютер»; “大氦玩家” — «игрок, который тратил много денег». “氦” может заменять «купить» «тратить деньги» в некоторых случаях, но не всегда. Так как его значение возникло из игры, где после (легкомысленной) оплаты скоро можно получить полезное оборудование (в игре), и это оборудование обычно для людей не жизненно важно, употребляют этот иероглиф обычно только в похожих ситуациях. Можно “氦” компьютер, потому что это оборудование в жизни, и он не является совсем необходимым. Обычно не “氦” дом, потому что недвижимость всё-таки для людей жизненно важна, и люди обычно покупают дом не легкомысленно. Если человек говорит, что он “氦” дом, это уже значит, что дом для него тоже не важная вещь, и можно легко купить. Давать взятку можно назвать “氦金”, потому что после предложения взятки человек сразу получит кое-какую пользу, как в игре.

В вышеуказанных примерах значение иероглифов-неологизмов связано уже не с их словарным значением, а с некой случайной историей — если бы никто не думал о китайской медицине, «печень» не стал бы обозначать «тратить время». В общении человек должен иметь это фоновое знание, чтобы правильно понять их значение. А само употребление этих неологизмов также требует конкретного семантического контекста, похожий на ситуацию их

первоначального употребления. Он также скрытый для человека, если он не точно знает возникновение их новых значений.

Обобщая вышеизложенный материал, следует сделать следующие выводы:

1. С конкретным употреблением китайских иероглифов часто связан некий скрытый семантический контекст, что служит основой подбора подходящих слов. Незнание этого семантического контекста может привести к неправильному употреблению слов, что может оказывать негативное влияние на общение.

2. Возникновение неологизмов китайского языка часто связано с какой-либо случайной историей в общении, и когда она стала известной всем, оформляется неологизм. В таком случае иероглиф получает новое значение, которое совсем не связано со словарным значением. Но употребление неологизмов также требует конкретный семантический контекст.

3. Требование к семантическому контексту китайских иероглифов происходит из того, что в высококонтекстуальной китайской культуре люди часто выражают меньше, используя слова, а большинство информации содержится в контексте, в культуре. Употребление неподходящего слова — намёк на совсем несвязанные с ситуацией вещи, что для носителей китайского языка очень странно и непонятно.

Список литературы

Ван Сяоцзюнь, Нагорный И.А. Модальные глаголы и частицы в русском и китайском языках // Вестник ПГЛУ, 2010. № 1. С. 165–168.

Вань Цзинь. О формировании высокого и низкого контекста культуры и различиях в общении // Школьный английский язык, 2012. № 6. 139 с.

Ло Хайхуэй. Сравнительный анализ «Фаньер» и «цюе» // Вестник Сянганского педагогического Университета (серия социальных наук), 2009, № 5. С. 220–223.

Ма Чжэнь. Необходимо обратить внимание на использование слов и грамматических форматов, 2017. Лекция в РГГУ.

Ма Чжэнь. О «фаньер» // журнал «Китайский язык», 1983. № 3. С. 172–176.

Пэнь Сяочуань, Ли Шоуцзи, Вань Хун. 201 вопрос грамматики при изучении китайского языка для иностранцев. Коммерческое издательство, 2004.

David A. Victor. (1992) International Business Communication (New York: HarperCollins), pp. 78–79.

Hall E.T. (1989) Beyond Culture. Anchor Books.

References

David A. Victor. (1992) *International Business Communication*. New York: HarperCollins, pp. 78–79.

Hall E.T. (1989) *Beyond Culture* — Anchor Books.

罗海辉. “反而”与“却”的对比分析[J].湘潭师范学院学报(社会科学版), 2009-05

Lo Haihui. (2009) *Sravnitel'nyj analiz “fanèr” i “cyue” = Comparative analysis of “faner” and “que”*. Vestnik Syantanskogo pedagogicheskogo Universiteta (seriya social'nyh nauk), No. 5, pp. 220–223 (In Chinese).

马真. 要重视词语和句法格式的用法研究. 2017. Лекция в РГГУ.

Ma Zhen. (2017) *Neobhodimo obratit' vnimanie na ispol'zovanie slov i grammaticheskikh formatov. Lekciya v RGGU = Need to pay attention to the useage of words and grammatical formats. Lektion in RGGU* (In Chinese).

马真. 说“反而”[J]. 中国语文, 1983, 3: pp. 172–176.

Ma Zhen. (1983) *O “fanèr” = About “faner”*. Zhurnal “Kitajskij yazyk” No. 3, pp. 172–176 (In Chinese).

彭小川, 李守纪, 王红, 对外汉语教学语法释疑201例, 商务印书馆, 2004

Peng Xiaochuan, Li Shouji, Wang Hong. (2004) *201 vopros grammatiki pri izuchenii kitajskogo yazyka dlya inostrancev = 201 questions and answers of the Chinese grammar for foreigners. Kommercheskoe izdatel'stvo* (In Chinese).

Van Syaotszyun', Nagornyy I.A. (2010) *Modal'nyye glagoly i chastitsy v russkom i kitayskom yazykakh = Modal verbs and particles in Russian and Chinese*. Vestnik PGLU. No. 1, pp. 165–168 (In Russian).

王静. 论高低语境文化的形成和交际差异[J]. 校园英语. 2012, 6. pp. 139.

Wang Jing. (2012) *O formirovanii vysokogo i nizkogo konteksta kul'tury i razlichiyah v obshchenii = About the formation of high and low contextual cultures and their differences in communication. SHkol'nyj anglijskij yazyk*. No. 6, pp. 139 (In Chinese).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Цуй Чжэюань — соискатель Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51;

Сотрудник Управления по академическим вопросам Университета МГУ-ППИ в Шенчжэне, № 1 International University Park Road, улица Longcheng, район Longgang, Шэньчжэнь; 510593963@qq.com

ABOUT THE AUTHOR:

Cui Zheyuan — Ph.D. candidate at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University; 1-51, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia; Officer at the Department of academic affairs of Shenzhen MSU-BIT university. No. 1. International University Park Road, Longcheng Street, Longgang District, Shenzhen, China; 510593963@qq.com

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ХРОНИКА

УДК 80

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2023-16-2-111-115

КРУГЛЫЙ СТОЛ «НЕСКАЗАННОЕ» КАК ПРЕДМЕТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА»

Мария Рахимбековна Бобохонова

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Для контактов: erichmary@yandex.com

ROUND TABLE “UNSAYABLE’ AS A PROBLEM IN LITERARY TRANSLATION”

Maria R. Bobokhonova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: erichmary@yandex.com

Всякий любящий читать согласится с тем, что в литературном тексте присутствует нескáзанное, или несказáнное, или несказуемое. Невидимые глазу лакуны, пробелы, умолчания важны тем, что побуждают читателя к внутренней работе, делают контакт с произведением свободным, интимным, активным, творческим. Но как быть с текстом, который путешествует издалика — из другого языка, другой культуры? Учитывая, что у читателя нет к произведению прямого доступа, разве не обязан переводчик договорить за автора то, что тот оставил недоговоренным, — внести недостающую ясность, заполнить пустоты-«зияния»? Или, наоборот, этого делать нельзя? Ведь тем самым переводчик превышает свои полномочия посредника и частично лишает читателя со-творческого удоволь-

© Бобоханова М.Р., 2023

© Bobokhonova M.R., 2023

ствия от текста... Этот вопрос обсуждался за круглым столом, состоявшимся 18 марта 2023 года на кафедре общей теории словесности филологического факультета МГУ им М.В. Ломоносова, — с участием переводчиков («по совместительству» также поэтов), литературоведов и лингвистов.

В каждом из докладов обсуждалось стихотворение (или фрагмент прозы) и имеющиеся переводы, удачные, сомнительные, классические, экспериментальные, — нередко вариант предлагался и самим докладчиком. Участники круглого стола пытались осмыслить литературный перевод как своего рода «общение» — возможность возобновления разговора с автором из далёкого времени и далёкой культурной среды. Собеседниками последовательно становились Эдгар По, Поль Верлен, Эмили Дикинсон, Стефан Малларме, Гийом Аполлинер, Георг Тракль, Пауль Целан, Роберт Крили, Роджер Желязны. Разговор не раз возвращался к прозвучавшей в одном из докладов цитате из поэта Роберта Крили: “I heard words / and words full / of holes”, в которой слово hole (дыра) оказывается созвучным слову whole (полный). Действительно, подобные «дыры» в художественном тексте часто выступают потенциально безграничным пространством смыслообразования. Как переводчики справляются с передачей подобного рода? Чем руководствуются, когда сталкиваются, вслед поэтам и писателям, с дилеммой, которую другой американский поэт Уоллес Стивенс, а по-русски — его переводчик Григорий Кружков сформулировали так:

Не знаю, что выбрать —
Красоту звучаний
Или красоту умолчаний,
Песенку дрозда
Или паузу после.

Мероприятие началось как раз с доклада Григория Кружкова (РГГУ), который поделился с аудиторией собственным опытом прочтения и перевода стихотворений Эмили Дикинсон, Уоллеса Стивенса, Чарльза Симмика. Исследователь отметил, что поэтический перевод даёт стихотворению шанс «заново родиться» в новой языковой среде. Чуткий и внимательный переводчик, работая с присутствующими в тексте лакунами и умолчаниями, может реализовать в поэтическом переводе смысловые и образные возможности, которые в оригинальном стихотворении не замечались.

Евгения Самостиенко (ННГУ имени Н.И. Лобачевского, ИЯ РАН) привела стихотворение Роберта Крили “The Language” и его

перевод на русский, чтобы проиллюстрировать метод поэта, для которого характерно размывание границы между поэтической и обыденной речью, использование лирического потенциала молчания. Докладчица сосредоточилась на аспектах формы, которые труднее всего поддаются переводу, как-то: разговорный характер интонации, поэтика дейксиса, онтологизация грамматических категорий, отсутствующих в русском языке.

Очевидной оказывается способность переводчика так или иначе трансформировать оригинальный текст, оказывая тем самым новое, не всегда предсказуемое воздействие на читателя. Подобным эффектом в переводах — на этот раз прозаических — были посвящены исследования Анастасии Уржи (МГУ) и Ганны Филатовой (МГУ). В докладе Уржи рассматривались приёмы вовлечения читателя в текст, используемые в прозе Э.А. По — в частности, отказ от описания тревожащего рассказчика существа или явления и «за-местительное» описание эмоциональной реакции на увиденное. Подобные описания, апеллируя к чувству и воображению читателя, допускают разные трактовки и... оказываются проблематичны в переводе. Выбор переводчиком тех или иных выражений влияет на впечатление, которое остается у читателя от рассказа, — излишне детерминированное сравнительно с оригиналом. Подобную проблему обозначила и Ганна Филатова, рассуждая о приемах интертекстуальности в произведениях Р. Желязны. Так, в романе “Создания света, создания тьмы” цитаты часто вводятся без каких-либо сносок или указаний на источник; свободное существование цитаты в пространстве романа, с одной стороны, усиливает ощущение недосказанности и непонятности, с другой — предоставляет читателю определённую свободу интерпретации. При переводе многие цитаты или сопровождаются сносками, или попросту не считаются; таким образом эффект, реализованный в оригинальном тексте, ослабевает или совершенно исчезает.

Проблема изменения при переводе как непосредственной структуры поэтического текста, так его эстетического эффекта волновала многих участников круглого стола. Так, материалом для доклада Марии Бобохиной (МГУ) стали переводы Эмили Дикинсон на немецкий язык, выполненные П. Целаном и Г. Кюблер — в частности, речь шла о стихотворении “At Half past Three”, представляющем собой рефлексия творческого акта. Докладчица отметила, что коммуникативная ситуация, в которой оказывается переводчик поэтического текста, принципиально отличается от той, в которой пребывал поэт: оригинальное стихотворение рождалось в тиши-

не, предполагало поиск слов, способных заполнить пространство «несказанного», переводчик же ищет эквиваленты словам, уже написанным. Спонтанность коммуникативного порыва неизбежно укрощается, и в точности повторить эффект переводимого стихотворения оказывается невозможным. В то же время в порядке творчества переводчик может порождать новые смыслы и богатые на интерпретации метафоры.

О неизбежном несовершенстве любого поэтического перевода также рассуждал Егор Зайцев (МГУ) в связи со стихотворением Гийома Аполлинера «Цыганка». Исследователь указал на важность сохранения формальных микроэлементов стихотворения — таких, как рифма, размер и строфика. На первый взгляд незначительное изменение часто радикально преобразует образную систему произведения, — разрушает систему связей, способную рождать долгое, живое смысловое эхо. Один из способов анализа поэзии — внимательное чтение всех существующих вариантов перевода: таким образом открывается наблюдению многозначность образной системы оригинала.

Несколько по-другому обозначила задачи и потенциальные возможности художественного перевода Александра Зиновьева (МГУ). Анализируя особенности творчества Георга Тракля (в частности, стихотворение «К умершему в юности») исследовательница трактовала паузы и умолчания в его поэтике как результат тяготения к идее абсолютной метафоры, разъясняемой только через всю совокупность произведений поэта. Работая с текстами, созданными в данной традиции, переводчик не имеет права переводить стихотворение как отдельное герметичное произведение, — стремление передать абсолютную метафору позволяет жертвовать единичными словами и/или образами в конкретном тексте. Данную мысль поддержал и переводчик Алексей Прокопьев (художественное имя — Алеша Прокопьев). Опираясь на собственный опыт перевода и комментирования подобного рода текстов, он указал, что в случаях, например, Георга Тракля и Пауля Целана переводчик имеет дело не с отдельными лирическими произведениями, а скорее с частями одного большого стихотворения, которым в итоге оказывается всё творчество поэта. Именно такая точка зрения позволяет увидеть в герметичных и загадочных на первый взгляд текстах ясные связи между заключёнными в них идеями и тем самым найти верные ходы для перевода.

С другим полным умолчаний и потому особенно сложным для перевода поэтическим текстом работал в своём докладе Пётр

Кочетков (МГУ). На примере сонета Стефана Малларме “*A la nue accablante tu*” оказалось интересным обозначить в целом отношение поэта к «несказанному». Осмысля тишину как «усталость» языка от бесплодных попыток описать гармонию материального мира, поэт создаёт эффект, при котором весь текст произведения предстаёт указанием на невыразимость. Ощущение тайны и незавершённости оборачивается вызовом для переводчиков, которые стремятся превратить сонет в однозначное высказывание, таким образом лишая читателей возможности присоединиться к рефлексии автора.

Интересным оказался взгляд на наполнение поэтической лакуны с фонетико-ритмической точки зрения. Данную проблему затронула в своём докладе Екатерина Белавина (МГУ), рассмотрев ряд стихотворений Поля Верлена, где значимой оказывается игра с просодическими элементами, такими, как ритм, цезура, рифма. В этой ситуации даже немые *e* на конце слов, обозначающие ноль звука, оказываются потенциально значащими, — они сигнализируют об уникальном опыте переживания поэтом особенностей родного языка.

Круглый стол позволил обозначить ряд актуальных теоретических проблем в области перевода художественной литературы и одновременно обсудить опыт переводческой работы на примерах различных текстов. Встреча в пространстве общей мысли практикующих переводчиков, литературоведов и лингвистов привела к продуктивной дискуссии, которая — как высказали надежду все участники мероприятия — обязательно продолжится в будущем.

Корректор *А. В. Игумнов*
Компьютерная верстка *В. Н. Кокорев*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус,
к. 1150. *Тел.:* 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 08.11.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 7,25. Уч.-изд. л. 6,67. Тираж 70 экз. Изд. № 12373. Заказ №

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.
E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru